

Дмитрий Львович Быков
Школа жизни. Честная книга: любовь
– друзья – учителя – жесть (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11786376

*Школа жизни. Честная книга: любовь – друзья – учителя – жесть. / Сост. и вступ. ст. Дмитрий Быков.: АСТ: Редакция Елены Шубиной; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-091164-6*

Аннотация

Мы все – бывшие дети, и многого о себе не договорили, не поняли. Попытка реконструкции школьных времен довольно мучительна, но эти времена есть за что благодарить. Цель этой книги – составить хронику ушедших детских, школьных лет: кроме нас, это сделать некому. Сборник воспоминаний о послевоенных школьниках, составленный Улицкой, стал бестселлером, но коллизии детства и отрочества шестидесятых–девяностых оказались ничуть не менее драматичны и трогательны. Лучший способ разобраться в себе нынешних – вспомнить себя тогдашних.

«Школа жизни» – новый проект серии «Народная книга». Откройте ее – и станет понятно, почему наша генерация почти все сдала и все-таки удержалась на краю пропасти.

Дмитрий Быков

Содержание

Дмитрий Быков	5
Моя школа	7
Яков Учитель	7
Людмила Россомахина	10
1 сентября 1965 года	10
Вторая учительница	10
Директор	11
Наш класс	12
Лариса Трунова	13
Наталья Соколовская	17
Мария Уварова	24
Ирина Озеркова	26
Петр Кобинцев	29
Дмитрий Колобов	32
Учителя	35
Валентина Акуленко	36
Инна Иохвидович	39
Татьяна Жданова	41
Геннадий Банников	50
Нина Якимова	52
Людмила Соколова	55
Ирина Одинцова	58
Ольга Вельчинская	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Школа жизни. Честная книга: любовь – друзья – учителя – жесть (сборник)

Сост. Дмитрий Быков

Издательство выражает благодарность всем авторам, чьи фотографии из личного архива были использованы при подготовке этой книги.

На переплете использована фотография Михаила Вылегжанина.

© ООО «Издательство АСТ»

Дмитрий Быков Попытка реконструкции

В начале семидесятых Борис Слуцкий писал:

Самые интеллигентные люди в стране —
Деятиклассники, десятиклассники.
Ими только что прочитаны классики
И еще не забыты вполне.

Одной из главных тем в советском искусстве шестидесятых-восьмидесятых была школьная. «Ночь после выпуска» и «Шестьдесят свечей» Тендрякова, «Ключ без права передачи» Динары Асановой, «Доживем до понедельника» Ростоцкого и «Репетитор» Полонского, «Чужие письма» Рязанцевой и Авербаха, «Долгие проводы» Муратовой, «Вам и не снилось» Щербаковой и Фрэза – это я называю только бесспорные хиты. Главные социальные проблемы ставились в фильмах о подростках: «А если это любовь?», «Тучи над Борском», «Школьный вальс». Дело не только в том, что подростковые литература и кинематография были свободнее «взрослых»: идеологический диктат в детском искусстве не так чувствовался, и тут можно было о многом высказаться всерьез. В детскую литературу сбегали Аксенов, Ефимов, Стругацкие – именно так они умудрялись говорить о главном без малейших скидок на возраст читателя. Но причина и глубже: послесталинский подросток был тем самым новым человеком, о котором мечтало первое советское поколение. У него по разным причинам не получилось осуществиться полностью: сначала мешал террор, потом война. Но уж дети и внуки ветеранов, поколение космической утопии, коммунарской педагогики, дети физиков и лириков, последние советские выпускники должны были осуществить вековую мечту о создании нового человека.

СССР – как и Россия – не всегда хорошо производил товары, но всегда отлично формировал среды. Советскими подростками очень много занимались: кружки, секции, классы педагогов-новаторов, детские редакции при молодежных журналах и телепрограммах, лицеи юных вундеркиндов, вроде легендарной колмогоровской школы или новосибирской ФМШ, детские киностудии в каждой республике, детские театры – студийные либо профессиональные, – все воспитывало нового человека, которому предстояло вывести страну из все более очевидного тупика. Очень жаль, что перестройка востребовала совсем иные качества. Но нам, детям семидесятых и восьмидесятых, грех не вспомнить ту фантастически напряженную, многое обещавшую, невротизирующую, странную атмосферу конца советской эпохи, когда будущее уже сквозило во все щели.

Я отлично помню свой школьный опыт: он был отвратителен, поскольку двойная мораль уже свирепствовала и травля, столь ярко и страшно показанная Железниковым и Быковым в «Чучеле», была уделом всех думающих детей. Однако, помимо этой травли, оказавшейся весьма полезным опытом для постсоветского будущего, советская школа могла предложить много интересного – не зря тут существовал настоящий культ учителя. Допускаю, что кому-то в школе было отлично, дружно, весело и т. д. Главное же, как мне кажется, – тогдашние подростки были очень серьезными и взрослыми, интеллектуально они были богаче и самодостаточнее сегодняшних старшеклассников, и, хотя среди них хватало откровенного бандитя, фарцовщиков и юных циников, преобладали в этом поколении люди серьезные и трезвые. Кстати, именно о них был снят «Плюмбум» Абдрашитова и Миндадзе

– рубежный фильм эпохи; тогда Плюмбум казался безусловным злом, но время показало, что бывают вещи похуже принципиальности.

Я думаю, тогдашнее поколение – равно как и школьники девяностых – многого о себе недоговорило и не поняло. Нам нужно составить хронику тех лет, потому что, кроме нас, это сделать некому. Трагедию исчезновения СССР лучше всех поняли подростки, потому что их жизнь переломила. Сборник воспоминаний «Детство 45–53» о послевоенных школьниках, составленный Людмилой Улицкой, стал бестселлером, но коллизии нашего отрочества были ничуть не менее драматичны. Лучший способ разобраться в себе нынешних – это вспомнить себя тогдашних. Мы как раз входим в тот возраст, когда события двадцати-тридцатилетней давности помнятся нам лучше вчерашних.

Лично для меня попытка реконструкции тех времен довольно мучительна, но и мне есть за что поблагодарить их (времена). Надеюсь, все вместе мы составили книгу, из которой будет понятно, почему наша генерация почти все сдала и все-таки удержалась на краю пропасти.

Моя школа

Яков Учитель Гордые дети XX съезда

Вырос я в историческом центре Ленинграда.

В 1-й класс пошел в 1955 году. Это был второй год, как в СССР ввели совместное обучение мальчиков и девочек, а также второй год, как появилась серая квазигимназическая форма для мальчиков.

Моя школа № 209 помещалась на улице Восстания во внушительном здании бывшего Павловского института благородных девиц. Он, разумеется, меньше знаменит, чем Смольный, но тоже не лыком шит. В классе было больше сорока человек. Квартирный вопрос в послевоенном Ленинграде стоял очень остро, коммуналки были перенаселены, и мест в школах не хватало. Все вторые и третьи классы занимались во вторую смену.

Забегая вперед, скажу, что через десять лет в округе не осталось *ни одного* одноклассника: все разъехались из центра в хрущобы спальных районов, в возжеленные отдельные квартиры.

Традиции и нравы в школе были строгие. Например, перед началом занятий на входе стояли дежурные и кроме отлова опоздавших следили за тем, чтобы мальчики непременно снимали шапки. А еще перед уроками в просторных коридорах была общая физзарядка. Позже эта традиция отмерла сама собой. После двух лет второй смены в четвертом классе я физзарядки уже не помню.

С каждым годом либерализм набирал силу. Школьные годы точно пришлись на оттепель от рассвета до заката – от раннего постсталинизма до расправы Хрущева с советской интеллигенцией.

Учителя в те годы были в авторитете, как в обществе в целом, так и среди школьников. Кажется, мы их искренне любили.

Исторические события тех лет тесно переплетались со школьной жизнью. Открытие ленинградского метро к 7 ноября 1955 года – первые дни туда пускали только по приглашительным билетам, и побывать смогли не все. Те же из ребят, кому посчастливилось, в начале второй четверти делились у доски своими впечатлениями.

XX съезд пришелся на середину третьей четверти первого класса. В интеллигентской среде десталинизация была встречена одобрительно, и мы, продвинутые первоклассники, заговорщицки это обсуждали вполголоса. На уроках вслух говорилось только о достижениях – прошлых, но в основном о грядущих. Запомнилось, как на вопрос: «Что нас ждет в очередной пятилетке?», – я ответил, что вместо паровозов у нас будут тепловозы. Наверное, пятерку получил. Главное – угадал!

Ныне ушел в прошлое институт второгодников: сейчас боятся травмировать детей и гоняются за липовыми показателями успеваемости. А в этом было немало позитива. Второгодники вносили недостающую долю жизненного опыта, а сами нередко подтягивались в учебе. В 5-м классе появился у нас Юра Николаев, креативный второгодник, переведенный из другой школы. Он быстро научил коллектив ругаться матом и интересоваться сексом (такого слова, правда, еще не было). То есть, казалось бы, отвязный хулиган из пролетарской семьи. Однако при этом он ходил в очках и играл на рояле – в музыкальной школе учился. Любил играть полузапрещенный джаз и «роки». Запомнилось заводное:

Раньше слушал Баха фуги.
Африка!
А теперь гоняет буги.
Африка!

В 6-м классе завели у нас «Дисциплинарную тетрадь». В нее учителя записывали тех, кто плохо себя вел. За замечания попадало от родителей. Это было неприятно. Кого-то и выпороть могли. И было нами решено принять радикальные меры. Ждали случая.

Шел урок физкультуры в огромном актовом зале. Вдруг в середине урока загремело школьное радио (тогда такое было не везде): «Работают все радиостанции Советского Союза! Человек в космосе!!!» Это было 12 апреля 1961 года. Все завопили «ура!» и еще что-то радостное. Урок прервался. В едином порыве мы побежали на Невский. Я прикрыл учительский стол телом, пока Юра Николаев запихивал «Дисциплинарную тетрадь» в тренировочные штаны. Надо было еще успеть ее порвать и отнести на помойку, прежде чем слиться с ликующими ленинградцами. Всё успели.

Другая более возвышенная история. В 5-м классе мы с другом состояли в так называемом библиотечном активе. То есть подолгу торчали в библиотеке, помогали там и имели свободный доступ к книгам. Дружили с юной библиотекаршей (младшей; была еще заведующая). То ли ранней осенью 1959 года, то ли поздней весной 60-го гуляли мы с ней и, надеюсь, рассуждали об искусстве. Привела она нас в гости к своей знакомой – пожилой литературной даме во флигель Шереметьевского дворца. Тогда там был Институт Арктики и Антарктики. Угостила дама нас чаем с печеньем. Ну, и не вспоминал я об этом лет двадцать пять. А когда вспомнил, то понял, что это была Анна Андреевна Ахматова! И больше в этом не сомневался. Шли годы, и я решил поглубже изучить вопрос. Эх, лучше бы этого не делал: оказалось, что Ахматова съехала из Фонтанного дома в 1952-м... «Какой удар со стороны классика!» Остается надеяться, что это все-таки она приходила в гости к каким-нибудь бывшим соседям.

Но памятник Анне Андреевне в XXI веке перед нашей школой все же поставили.

С классной руководительницей по фамилии Калешева отношения были неважные. Естественно, прозвище у нее было Кала. В 6-м классе я посвятил ей стих, в котором было четырнадцать строк, и назвал его сонетом. Помню первую строфу:

Восстаньте дети от велика и до мала!
Как призрак злой, стоит над нами Кала.
Давно пора сей сбросить произвол
И Калу гнать из всех советских школ!

И заключительное двустишие:

Взовьется ж флаг восстания начала!
Да будет свет, да сгинет Кала!

Рукописный текст был подброшен героине сонета в сумку. Реакции не последовало. Но я чувствовал, что ей известно, кто автор.

Под самый Новый 1961 год одноклассники решили собраться в школе. Просто так, что не было санкционировано взрослыми. Встретились мы в роскошном вестибюле школы. Все было открыто, никаких вахтеров и охранников, хотя был вечер – темно, во всяком случае.

Купили две-три бутылки лимонада и конфет. И тут оказалось, что Юра Николаев принес бутылку вина. Это было первое мое столкновение с коллективной пьянкой (6-й класс). Но далеко не последнее. Сладкое вино «Шато-Икем», как сейчас помню, 0,5. Было нас человек двадцать – двадцать пять, то есть по двадцать граммов на нос. Приложились все, включая девочек, отказавшихся не было. И вот в разгар всеобщего веселья появляется наша классная руководительница. Кто-то стукнул. Не представляю – как? Ведь мобильных телефонов тогда не было. Простые домашние телефоны и то были далеко не у всех. Начинается следствие. Кто-то раскололся, что Николаев вино принес. Тут же был вызван отец Юры – типичный положительный пролетарий. До сих пор не понимаю, как все быстро произошло. Главную улику – пустую бутылку вина – мы уничтожили. И тут я совершил поступок, которым горжусь уже полвека. Я сказал: «Не знаю, вино или что, но вот эта бутылка». И протянул грозным следователям пустую бутылку из-под лимонада. Юрин папаша со знанием дела ее понюхал и заключил: «Действительно, лимонад». Сомнений, что это именно та бутылка, ни у кого не возникло, и инцидент был исчерпан. По прошествии лет я понял, что старшие были не меньше нас, а может, и больше заинтересованы в таком хеппи-энде, и гордость моя не слишком-то обоснована.

С 1962 года ввели в старших классах «производственное обучение», в связи с чем добавили одиннадцатый класс. Школы стали «восьмилетками» и «трехлетками» – с девятыми, десятыми и одиннадцатыми классами. А в некоторых школах остались классы с первого по одиннадцатый. Мы не сомневались, что наша школа, расположенная, безусловно, в лучшем школьном здании Ленинграда, станет полной «одиннадцатилеткой». Но партия распорядилась иначе. Пришлось в пятнадцать лет определять свою судьбу. Сначала я решил закончить три класса за один год. Такой прецедент мне был известен. Для этого я поступил в заочную вечернюю школу и пошел работать на фабрику «Большевичка» электромонтером-слаботочником. Но с решением поставленной задачи не справился (по лени) и после девятого класса поступил в не менее харизматичную школу на Невском, что в здании со знаменитой мемориальной блокадной надписью: «При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Но это уже другая история.

Людмила Россомахина Драгоценная память

Удивительно устроена человеческая память: мы помним только то, что, видимо, нужно именно нам. Перебирая в памяти самые приятные воспоминания, связанные со школой, думаю, что самым лучшим и значимым для меня был день, когда я впервые пошла в школу.

1 сентября 1965 года

С вечера примеряла форму, белый фартучек, гольфики, подержала в руках огромный букет георгинов, приготовленный мамой. Помню ощущение радости и предвкушение чего-то необычного. Тревоги не было: ведь мы шли в первый класс целой группой из детского сада. Для сельской школы восемь человек – это много. Мы чувствовали себя чем-то единым и неделимым.

Совершенно не помню линейки, поздравлений. В памяти осталось, как первая учительница назвала свое имя – Косолапова Людмила Павловна. Она казалась мне самой лучшей на свете! После мамы, конечно. Нравилась ее красиво уложенная коса, ее белый воротничок на темном платье и удивительно мягкий голос. В то время, когда она называла наши имена, а мы вскакивали с места, «домашние» дети затеяли игру с мухами на окнах: ловили их, держали за крылышки, а те громко жужжали...

Учительница лишь улыбнулась и сказала, что это не очень интересное занятие, а теперь мы стали учениками и узнаем много интересного. С тех пор я ходила в школу за этим интересным, боясь хоть что-то упустить.

Врезалась в память первая перемена. Звонок дали колокольчиком, и мы выбежали на улицу, как будто нас годы держали в неволе. Школа была маленькой, деревянной. В ней места хватало только для двух классов: первого и второго, а остальные учились в «большой» школе в два этажа. Между зданиями был школьный стадион, а от улицы школу отделял высокий забор. Вот на него меня почему-то и понесло в новенькой школьной форме. Залезть-то смогла и даже победно посматривала на тех, кто не решился это сделать, а вот слезать было страшновато... Но я на виду у всех прыгнула в траву, испачкав белые гольфики и растрепав косички с белыми бантиками.

А как я завидовала второкласснику, который был дежурным и подал звонок на следующий урок! Наверно, впечатления от первой встречи со школой были так сильны, что мне захотелось в ней остаться на долгие годы.

Вторая учительница

Так случилось, что обожаемая всем классом первая учительница должна была уехать вместе с семьей в Порошино, и мы чувствовали себя осиротевшими. Это было так больно и несправедливо, что не хотелось никого видеть.

Но приехала молодая учительница Шубина Валентина Григорьевна, в которую мы влюбились сразу и навсегда. В нее нельзя было не влюбиться. Она из тех, о ком говорят: учитель от Бога.

Она умудрилась для нас стать не просто учителем, а другом. Мы любили с подружками Галей Пунгиной и Надей Козловой бывать в гостях у Валентины Григорьевны. В небольшом, но уютном домике она жила с двумя другими молодыми учительницами.

Помню, как меня поразил портрет на стене комнаты. Оказалось, что это поэт Есенин. Мы без стеснения валялись на медвежьей шкуре – трофее брата учительницы, который был

охотоведом. Пили чай с протертой с сахаром клюквой и разговаривали обо всем на свете. Почему нас не гнали, а встречали по-доброму? Таким вопросом мы не задавались тогда: все было как-то легко, здорово, естественно.

Помню, как готовились к «Зарнице». Шили из старых чулок мячики, набивали ватой. Это были «снаряды» для игры. Воевали в небольшом перелеске. Наш класс был «зеленым», а третьеклассники – «синими». Отличали нас по повязкам на рукаве. Нужно было захватить «вражеское» знамя и при этом не потерять повязку, то есть не попасть в плен. Помню, что я очень искусно пряталась, но знамя захватил кто-то посмелее и понаходчивее.

После игры зажгли огромный костер. Я такого не видала раньше. Огонь взметнулся так высоко, что чуть не задевал провода. Мы заволновались, но взрослые быстро его притушили, перенесли в сторону и снова разожгли. Мы стояли и замороженно смотрели на огонь. Уходить домой после «войны» не хотелось. Почему-то не было уже никакого соперничества, обид, тревог. Было братство маленьких «бойцов» из начальной школы.

По итогам первой четверти во втором классе отличникам дарили книги. Мне досталась книга Леонида Дьяконова «Олень – золотые рога». Учительница сказала, что это очень интересная книга, и если я принесу ее в школу, то она будет нам читать вслух, когда останется время от урока. Время у нас почему-то оставалось, и мы к весне уже прочитали книгу до конца. Оставались и после уроков, чтобы дочитать главу, а потом обсудить. И никто не рвался домой, слушали с удовольствием. С таким же интересом мы читали вслух повести с продолжением из журнала «Пионер» и рассказы из «Пионерской правды». В классном уголке у нас были «кармашки», в которые мы вкладывали листочки с названиями самостоятельно прочитанных книг. У меня был самый «пухлый» кармашек.

Директор

Пока я училась в школе, у нас был один директор – Захаров Николай Григорьевич. Он всей душой переживал за то, что в ней происходило, добивался порядка, устанавливал какие-то правила. К примеру, каждый понедельник устраивалась полная проверка. В коридоре у входа в школу ставили стол, за которым сидели дежурный учитель и директор. Проверяли, есть ли сменная обувь, подпись родителей в дневнике, салфетка для обедов. Проверяли даже цвет ленточек в косах: в будни они должны были быть коричневыми, а в праздники – белыми. Конечно, мы умели обходить эти проверки в прямом и переносном смысле: заходили с запасного входа, подписывали друзьям дневники, менялись обувью, забрасывая ее в форточки... В общем, вели себя, как нормальные дети, которым не нравятся какие-то «рамки», запреты, непонятные правила.

После проверок были общешкольные линейки. Все ученики (человек двести) выстраивались в коридоре второго этажа, директор забирался на деревянное кресло, чтобы все его видели, и устраивал «разбор полетов» за неделю. Запомнилось, как нас ругали за то, что мы плохо ели суп, который нам привозили в больших термосах из столовой. Честно сказать, суп был жирный и невкусный. Я его ела, закрыв глаза, чтобы не видеть, как в тарелке плавает жир. Запомнилось, как ученика 7-го класса хотели исключить из школы за курение. Мы верили, что это возможно, и всем классом очень жалели паренька.

Трудились мы беспрестанно и почти не роптали. Так как в школе было печное отопление, мы носили к двум печкам дрова, мыли полы. Весной дрова складывали в огромные дровницы. Директор с нами укладывал, показывал, как надо, чтобы поленница не развалилась. Почти всегда он был с фотоаппаратом. Все наши дела оставались на пленке, а потом на фотографиях в красивых больших альбомах, которые хранились в школе для каких-то «высоких» целей. Мы их не видели, поэтому парадоксально, но фотографий, связанных со школой, у меня, да и у моих одноклассников совсем нет. Нет даже выпускной фотографии...

Несмотря на то что школа у нас была небольшая, наша жизнь была такая насыщенная! Я постоянно участвовала в каких-то районных мероприятиях: конкурсах чтецов и певцов, драмколлективов, смотрах строя и песни, туристических слетах. Директор сам руководил подготовкой к районному смотру строя и песни. Мы шили одинаковые костюмы, головные уборы (каждый год – разные) и гордились тем, что побеждали в этом смотре постоянно. Кстати, маршировать мне очень не нравилось, но приходилось подчиняться. В День пионерии устраивался праздник на природе. Там подводились итоги, активистам вручали пионерские галстуки. Со временем у меня образовалась целая коллекция.

Наш класс

Переход из начальной школы был очень болезненным. Мы без конца бегали к своей любимой учительнице, не желали принимать новую классную руководительницу. Ей это было, конечно, обидно, потому что Мария Ивановна только что выпустила замечательный класс, дети из которого поступили в хорошие вузы, даже в МГУ. И она провела классный час, на котором рассказала о себе, о том, как она оказалась в нашей школе, о своих выпускниках. Мы поняли ее и приняли. Обиделись на нее только один раз, когда она запретила проводить «огонек», потому что за неделю получали двоек по математике. Мы уже позаботились о музыке, закупили два килограмма любимых конфет «Цитрон» с лимонной начинкой, а тут такое разочарование... Посоветовавшись, решили идти в лес жечь костер. Пока добрались до места, стемнело. Было страшно. Костер никак не хотел гореть. Мы жевали конфеты, ругали Марию Ивановну, но делали это как-то вяло, беззлобно.

Наша классная была биологом, поэтому мы постоянно пересаживали цветы, оформляли стенды, ухаживали за цветником возле школы. А наш пришкольный участок был очень хорош. Я любила дежурить в начале июля, когда поспевала клубника. Мы набирали по два ведра ягод каждый. По бидончику разрешали брать домой, остальное разносили по домам учителей-ветеранов. Много собирали смородины, малины. Варили, сушили, а в сентябре устраивали Праздник урожая. Чего там только не было! И гигантский картофель, и тыквы разных расцветок, и редкие овощи... Мария Ивановна заботилась о дендрарии возле школы. Она научила нас многому.

Когда мы учились в седьмом, Мария Ивановна увлекла нас занятиями в кружке, где мы начали переписку с ребятами из других стран. Я переписывалась с девочкой из Польши. Мы обменивались значками, открытками, монетками, а однажды я получила посылку с сувенирами и шоколадом. В ответ мы с мамой тоже собрали посылку. Запомнилось, как сложно было это сделать. Пришлось заполнять много бумаг, а адрес писать на польском языке. Я это умела, потому что девочка из Польши прислала мне учебник для изучения языка. Конечно, успехов у меня больших не было, но переписка наша продолжалась много лет.

А еще мы всем классом выписывали газеты пионеров разных республик, читали заметки, обсуждали. А к десятому классу полюбили петь. В мае, когда сад возле школы расцветал, выходили на улицу, садились прямо на траву и пели школьные песни. Видимо, чувствовали скорое расставание. Даже окончив школу, мы навещали свою классную руководительницу. Однажды она удивила нас тем, что показала приглашение на встречу выпускников, которая должна была состояться через пятьдесят лет! А вот состоялась ли – не знаю. Несмотря на то что класс наш был дружным, мы встречались после школы, к сожалению, только однажды... Разъехались и потерялись.

Лариса Трунова «Девятка»

Здравствуй, школа родная, девятая,
Мы по праву гордимся тобой,
Каждый день мы спешим на занятия,
Ты для нас навсегда дом родной.

Эти слова невольно всплывают в памяти, когда прохожу мимо здания бывшей школы № 9 города Игарки, которую я окончила сорок лет назад. Моя любимая «девятка» – связующее звено между прошлым и настоящим, между беспечным детством и сегодняшними заботами. Я с уверенностью могу сказать, что мои школьные годы, что пришлось на шестидесятые – семидесятые, – чудесные! Все годы со мной рядом были удивительные люди, влюбленные в свою работу, – мои учителя, которые помогли мне сделать важный в жизни шаг, выбрать профессию учителя, о чем я ни разу не пожалела. Тридцать три года преподаю английский язык в родном городе, из них двадцать пять – в родной «девятке». Что для меня школа? Вся моя жизнь! Сначала я была ученицей, а потом – учителем. Мои ученики – дети и внуки моих одноклассников. Они совсем не похожи на нас.

Все мои воспоминания связаны с этой школой, ее учителями, моими друзьями. Прежде школа была деревянной, в центре которой стояла большая печь. Обязанностью старшеклассников было приносить дрова, и сторож топил ее круглосуточно, поскольку зима на севере длинная и холодная. Когда температура опускалась ниже сорока пяти градусов, местное радио сообщало об отмене занятий в школе, что вызывало, конечно же, радость. Эти дни назывались «активировками». Несмотря на холод, полярную ночь, когда солнце не видно в течение месяца, мы гуляли, обмораживая носы и щеки; забегая в школу, мы грелись о теплые бока школьной печи.

В канун 8 марта 1968 года Галина Ильинична Игнатенкова, учительница моего четвертого «Б» класса, предложила нам сшить фартучки для мам. Вероятно, не все у нас получалось. Я хорошо помню, как все мы собрались в маленькой квартире Игнатенковых, и сама Галина Ильинична все воскресенье строчила на ручной машинке разноцветные фартучки, которые мы позже с гордостью вручали нашим удивленным и обрадованным мамам.

Осенью этого же года, перейдя в пятый класс, мы встретились с Зоей Алексеевной Антоновой, которая вела у нас русский язык и литературу и была классным руководителем. Умная, добрая, заботливая, с чувством юмора, она проводила с нами все свое время, несмотря на то что у нее была семья и трое детей. С нами учился Толя Протопопов, который сидел за первой партой, прямо перед Зоей Алексеевной, и она спрашивала его каждый день, смотрела на него, как нам казалось, строже, чем на остальных. Мы даже жалели его.

Однажды мы катались с высокого берега Енисея на лыжах, замерзли, все были в снегу, уже стемнело, а домой идти не хотелось. Кто-то предложил: «А пойдемте погреемся к Зое Алексеевне, вон ее дом». Каково было наше удивление, когда дверь нам открыл Толя. На наш вопрос: «А что ты тут делаешь?» – он ответил, что топит печь. Мы стояли, растерянно глядя друг на друга. В глазах стоял укор учительнице, которая очень была к нему строга, да еще и печь заставила топить. Вдруг открылась дверь, вошла улыбающаяся Зоя Алексеевна и сказала: «О, у нас гости. Сынок, приглашай всех пить чай, а то я озябла, пока с собрания дошла». У нас были глупые лица, мы не могли поверить, что наша любимая учительница – мама нашего одноклассника. Как мы ему завидовали! Бывая в Третьяковской галерее, всегда вспоминаю занятия кружка «В мире прекрасного», на которых Зоя Алексеевна научила нас

любить природу, красоту родного края, знать богатое культурное наследие страны, гордиться тем, что мы – земляки В.И. Сурикова.

1969 год запомнился всем жителям нашего города. Слова песни «Игарка деревянной и тихую была, а завтра белый камень...» напоминают о переменах в жизни Игарки. Торжественно распахнула двери новая каменная пятиэтажная школа, в которую я пришла пятиклашкой, которую окончила и вернулась учителем.

1970 год. Пионерский отряд седьмого «Б» класса – правофланговый, носил имя Володи Дубинина. Наш девиз: «Не падать вниз, а быть всегда на высоте» – мы помним и сейчас.

В те годы любимым нашим занятием было чтение. Герои А. Гайдара, Л. Кассиля, А. Рыбакова, А. Фадеева, М. Шолохова воспитывали в нас ответственность, смелость, честность, инициативу, звали на добрые дела, учили крепко дружить. Помню, как потрясли меня книги «Повесть о Зое и Шуре», «Повесть о сыне», «Четвертая высота», «Кортик», «Улица младшего сына», «Тимур и его команда». Я перечитывала их по многу раз, смотрела фильмы об этих героях и хотела быть похожей на Зою, Олега, Гулю, Тимура.

Наши ребята выступили с инициативой возродить в Игарке тимуровское движение. Мне нравилось помогать бабушке Вале, которая жила на нашей улице: помыть пол, сходить в аптеку, подписать открытки, почитать газету, посидеть попить с ней чайку, рассказать школьные новости, а главное, видеть, что она ждет меня, что она очень рада, хотя этажом ниже жили ее внуки. Позднее мы предложили, чтобы каждый год выпускники высаживали березки возле школы. Но так как мы живем на Крайнем Севере в районе вечной мерзлоты, то не все саженцы прижились, о чем ребята переживали. К моей большой радости, я вижу, что четвертая от дорожки моя белоствольная красавица, посаженная сорок лет назад, крепнет, хорошеет и радуется своей пышной кроной.

В школе было немало добрых традиций. Одна из них – дружба с экипажами морских судов, которые в течение короткого северного лета приходили за сибирской древесиной, так как наш город – крупный морской и речной порт на Енисее. И к нам моряки частенько заглядывали. Мы с удовольствием слушали их увлекательные рассказы о далеких морях, странах, радовались необычным подаркам (кокосам, кораллам, раковинам), поздравительным телеграммам экипажа «Пионер Эстонии» то из жаркой Африки, то из Антарктиды. При встрече в Игарке мы докладывали морякам о своих успехах, готовили концерт. Я видела себя отважным капитаном, стоящим на мостике огромного корабля в бушующем океане.

Тамара Петровна Мясникова, учитель географии, всегда просила меня подготовить сообщения по разным темам, зная, что я расскажу о том, чего нет в учебнике. Благодаря моему упорству, увлечению чтением, помощи семьи мой кругозор был широк, что помогало одерживать победы в олимпиадах, конкурсах и викторинах. А когда я стала постарше, желание увидеть воочию то, что раньше изучали по карте и учебнику, открыло для меня Кавказ и Закавказье, Азербайджан, Аджарию, Абхазию, Грузию, Осетию, Кавказские Минеральные воды, Крым и Украину, Белоруссию и Дальний Восток, Хакасию и Таймыр, Туву и Байкал, Саяны и Алтай. Страна моя родная не только широка, но и прекрасна!

1971 год. Одним из самых ярких воспоминаний стал отдых в загородном пионерском лагере «Мечта», где маленькие деревянные домики, деревянные тротуары, деревянный басейн, деревянные площадки с деревянными качелями, деревянные скамеечки среди цветущих ромашек и жарков. Нам завидовали те, кому не достались путевки. Игра «Зарница», песни у костра белой ночью на берегу красавца Енисея, не обращая внимания на озверевших комаров, конкурсы и праздники – светлые моменты из детства. Наше северное лето очень короткое и прохладное, но июль, проведенный с друзьями, сплотил наш класс еще больше, сделал нашу дружбу крепче, а отношения теплее.

1972 год. Волнение, охватившее нас, когда на совете дружины было решено рекомендовать лучших пионеров из восьмых классов для вступления в комсомол ко дню рождения

В. И. Ленина, не передать словами! Но в списке я не увидела своей фамилии. Как так? Активистка, член совета дружины, учусь на «4» и «5», депутат пионерских слетов, тимуровка, вожатая, занимаюсь в спортивной секции, учусь в музыкальной школе, посещаю КИД, клуб «В мире прекрасного». Ответ секретаря комсомольской организации: «В комсомол вступают в четырнадцать лет», – меня не убедил. От мысли, что подруги будут носить на груди комсомольский значок, а я – все еще пионерский галстук, было обидно и горько. И все только потому, что мой день рождения в июле.

Набравшись решимости, я отправилась в горком комсомола, где заседало бюро. Наверное, мой решительный и отчаянный вид произвел впечатление, но меня включили в группу, которую готовили к вступлению в комсомол. Рекомендацию давали коммунисты: моя мама Мария Яковлевна Ягодинская, любимые мои учителя Анна Михайловна Камошина и Михаил Яковлевич Тугунов. Их слова: «Мы в тебя верим» – я слышу и сейчас, когда беру в руки сохраненные реликвии – старенький кумачовый галстук, комсомольский билет и значок. Они дают мне силы и веру.

1973 год. Мы много читали, но помимо этого большинство из нас занимались в спортивных секциях. Я увлекалась прыжками в высоту, а бег мне не нравился. Но однажды пришлось все же побегать за честь школы. А было дело так: проводилась спартакиада в честь какого-то праздника в клубе «Строитель», куда мы классом пришли болеть за нашу школу. В программу была включена эстафета по бегу. И когда пришла очередь выступать нашей команде, выяснилось, что одна из лучших бегуний, наша одноклассница Оля Кондрашова, больна. Учитель физкультуры, М.Я. Тугунов, был так огорчен предстоящим проигрышем, что попросил меня занять ее место в команде, чтоб нас не отстранили от соревнований.

Вспоминая тот день, я написала следующие строки:

Я летела, как стрела, через весь «Строитель».
Победу школе принесла и стала победитель.
С тех пор я с бегом не дружу, бегать не умею,
А грамоту я берегу и за бег «болею».

1974 год – год прощания с любимой «девяткой», сдача экзаменов, выбор профессии, выпускной бал, поступление в вузы. Накануне новогоднего вечера мы договорились прийти в маскарадных костюмах. Приняли решение: быть морскими пиратами. Вечер был веселым, шумным, но праздник был испорчен тем, что мальчик, который мне нравился, так и не решился пригласить меня на танец.

Пролетело время, подошли выпускные экзамены. Погода стояла на удивление теплой, солнце светило двадцать четыре часа в сутки.

Мы проводили время своей дружной компанией, понимая, что скоро разъедемся, и учить билеты совсем не хотелось. Накануне литературы я перед сном сказала сама себе: «Пусть мне приснится билет». И снится мне Наташа Ростова – а это был тридцать третий, последний билет, до которого я еще не дошла. Наспех утром повторила женские образы в романе «Война и мир» и побежала на экзамен. Захожу в кабинет, подхожу уверенно к столу, смело беру билет, читаю, и на весь класс вырывается мой радостный вопль: Наташа!

А вот с физикой отношения у меня были отнюдь не дружеские. Случилось так, что у доски готовился Он, для которого физика была ясна и понятна. Я разволновалась от того, что Он станет свидетелем моего будущего позора. И вдруг заметила, что Он, не глядя на меня, на своей половине доски пишет мои формулы и решение задачи. Поймав его взгляд, я благодарно кивнула, и – пока, физика!

Последним был английский. Я не боялась, поскольку он давался мне на удивление легко. В класс вошли шесть мальчишек; толкаясь, каждый торопился сесть за мной, надеясь

на подсказку. Мне было интересно, кто там, оглянулась: Он! Мне очень хотелось отблагодарить его за поддержку на физике, но Он справился сам. Прозвище у него было «Ленин» – кстати, не только из-за имени Владимир.

Бал! Бал! Бал! Сколько ожиданий, волнений, но, как и в новогодний вечер, Он не решился подойти. Накануне моего отъезда Он пообещал прийти в аэропорт. Взлетел быстрый «Як», унося меня навстречу новой жизни. Я долго не отрывала глаз от родного города, где остался Он, который так и не пришел проститься. Мы учились в разных городах, не виделись несколько лет, но я знала, что судьба распорядилась так, что его жену тоже зовут Ларисой.

Я мечтала о дальних странах, морях, собиралась в мореходку, но документы вернулись, так как необходимо было сдать экзамены по разным способам плавания. А я, дитя холодного красавца Енисея, умела только «топориком». Вопросы, мучавшие меня: «Куда? Кем?», отпали сами собой, когда учителя уверенно сказали: «Не мудри: только в педагогический, ты прирожденный организатор». Так как любила и литературу, и географию, и иностранный язык, то опять оказалась на распутье. Мария Филипповна Радаева, которая учила нас английскому, очень походила на мою маму, что и помогло сделать выбор. Для меня до сих пор одним из самых страшных потрясений жизни стало сообщение о ее гибели в авиакатастрофе под Норильском. В память о ней и о моей маме мою дочь, которая родилась через год в 1983 году, зовут Мария.

Весной 2014 года будет сорок лет, как для нас прозвенел последний звонок. Мы с грустью пели: «Школьный звонок – музыка детства, музыка счастья, музыка сердца. Жаль, что понять не могли мы тогда наши беззаботные школьные года, наши счастливые школьные года». Разъехались, разлетелись во всей стране, но благодаря «Одноклассникам» мы продолжаем общаться, делиться новостями, радоваться и горевать, чувствуя, что мы все те же дружные девчонки и мальчишки из школы № 9 города Игарки. Встречаясь, замечаем, что добавляется седины, появляются болезни, но в глазах всё тот же блеск, юмор, доброта.

Как я люблю наш дружный, неугомонный, веселый, неповторимый класс! Спасибо нашим учителям и родителям за то, что научили нас дружить, любить, помогать, доверять, быть людьми. Теперь этому я учу своих учеников. За эти годы у меня было четыре выпуска, больше сотни выпускников, у которых я была классным руководителем. Они по-прежнему считают меня «второй мамой», что для меня самая дорогая награда.

Наталия Соколовская Война и мир на звезде КЭЦ

Стоять на крыле самолета было страшно. Казалось, или я соскользну, или крыло истребителя обломится под моей тяжестью. Боком, хватаясь за край кабины, я шагнула внутрь, умогилась в кресле пилота, пристегнулась, и стеклянная крышка-фонарь опустилась надо мной. Дрожащими пальцами я нажала несколько кнопок на приборной доске, немного подождала, а потом закрыла глаза и потянула на себя руль высоты... И тут в стекло кабины постучали. Крышка отъехала назад, и физрук сообщил, что мое время истекло...

Так первый и последний раз я оказалась в самолете-истребителе «МИГ-17», достигающем скорости звука. Похожие как раз выполняли свой интернациональный долг во Вьетнаме (о чем все узнали значительно позже), а этот, устаревшей модели, стоял на постаменте перед нашей средней школой.

Посидеть в самолете нам позволили в награду за победу в каком-то общешкольном соревновании. Кажется, это было в пятом классе.

Школа наша тогда была новым типовым четырехэтажным кирпичным зданием серого цвета. Основной корпус и два «крыла»: в одном актовый зал (он же столовая), в другом – спортивный.

Располагалась она внутри «спального» района, ближе к концу бесконечного Пискаревского проспекта (что особенно чувствовалось, если ехать в трамвае – на то время единственном виде транспорта, связывавшим этот район с «городом»), недалеко от Пискаревского кладбища, где были захоронены сотни тысяч блокадников. Школа наша открылась в 1964-м, и я поступила в нее во второй класс.

Мы переехали с «родовой», обжитой с двадцатых годов бабками, а потом и родителями Петроградской стороны на окраину. В первую в нашей жизни отдельную квартиру. Ушли в прошлое коммуналки, дворы со скрипучими «барабанами» и дровяными сараями, рыбалки с отцом на набережной, возле крейсера «Аврора», и первый класс, который запомнился мне тем, что моей соседкой по парте была милая задумчивая девочка Маша, дочь писателя Леонида Пантелеева...

Самолет «МИГ-17» перед моей второй и окончательной школой появился не столько благодаря тому, что над нами шефствовал ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту), сколько упорному характеру директора Анны Ивановны, фронтовички, которая когда-то мечтала стать летчицей. И вот теперь у нее был почти личный реактивный самолет.

А. И. боялись и уважали и учителя, и ученики. Если она и не принадлежала в войну к «командному составу», то теперь, в мирной жизни, полностью реализовалась как командир. Перед ней ходили по струнке и подполковник М. (учитель истории и по совместительству военрук), и физрук (отставник рангом пониже), и трудовик. Не говоря уже о бывшем танцовщике – учителе ритмики – и почти всем женском преподавательском составе. За одним только исключением. Но именно это исключение сыграло важнейшую роль в моей жизни.

Та первая школа, на Петроградской, была старая, со своим прошлым. Она была элитной, с хорошо поставленным преподаванием иностранного языка. Иначе не отдал бы туда писатель Пантелеев свою обожаемую дочь, героиню книги «Наша Маша», – теперь ее трагической судьбе посвящена страничка ВКонтакте. Думаю, все у меня после той школы сложилось бы иначе: шесть уроков немецкого/английского в неделю, начиная со второго класса, – это вам не два ленивых у рока в неделю, начиная с пятого. Но тогда в моей жизни, наверное, не случилась бы встреча с другим, почти экзотическим языком, – грузинским. И, что совершенно точно, – я не летала бы до сих пор во сне.

История моей новой школы только начиналась, и начиналась, надо признать, с большим энтузиазмом. Нашим гимном был знаменитый «Марш авиаторов». На общих линейках, проходивших в теплое время на школьном стадионе, а в холодное – в актовом зале, из репродуктора неслось:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор.
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца – пламенный мотор.
Все выше, и выше, и выше...

И наши голоса летели вверх и растворялись в жизнеутверждающем и одновременно жертвенном восторге.

Однако «небесные притязания» школы не ограничивались только нижними слоями атмосферы. Единственная в городе, она носила имя К. Э. Циолковского. В те годы научная фантастика была моим любимым литературным жанром, и наша школа представлялась мне неким аналогом беляевской «Звезды КЭЦ».

В нашем школьном музее висели фотографии ученого, чертежи космических аппаратов и напечатанная на машинке удобно дозированная биография, в которой, разумеется, ни слова не было о том, что и этот человек, вознесший СССР в космические выси, не миновал Лубянки. Впрочем, об этом факте вряд ли знал и кто-то из учителей. Как не знали они, скорее всего, и об эзотерических штудиях Циолковского, о его идее лучистого человечества. Хотя и учителя, и сам уклад школьной жизни, безусловно, подвигали детский организм учеников к выработке какого-то нового гормона, некоего нового вида энергии, не вполне даже человеческой. Эту энергию мы ощущали на себе и в себе не только в школе, но и дома благодаря участию в жизни взрослых с почти обязательными походами на демонстрации по красным датам календаря и вечерними застольями, которые превращали государственные праздники в семейные.

Однажды в нашей школе произошло из ряда вон выходящее событие (так я расценивала его тогда, так думаю и теперь): в стену актового зала была замурована капсула с заветами будущим поколениям. Само слово «капсула» звучало магически. Было начало космической эры. И эта наша капсула ассоциировалась с капсулами, которые космонавты в научно-фантастических романах оставляли на неведомых планетах. Послание, которое спустя много лет прочтут неизвестные школьники, должно было соединить настоящее и будущее. Это был наш ковчег завета.

После первого же косметического ремонта место с замурованным посланием стало едва заметно, и я боялась, как бы о капсуле не забыли.

В пятом классе в программе появился урок астрономии, которого я ждала как манны небесной. Но скоро выяснилось, что это мое увлечение было платоническим. Оно держалось на чистой романтике: сидении летними ночами на дачной приставной лестнице в созерцании звездного неба, запойном чтении фантастики и первых стихотворных опусах. При соприкосновении с реальностью – формулами и математическими расчетами – желание «учиться на астронома» рассыпалось в прах, а точнее – в космическую пыль, которую я до сих пор ношу на подошвах ботинок.

На стенах нашей школы висели портреты космонавтов. Первая смерть близкого человека пришлась на мои шесть лет – это был мой дедушка. Но первым осознанным горем была гибель космонавта Владимира Комарова. Мы учились тогда в четвертом классе. Его вырезанную из газеты фотографию в траурной рамке я носила за обложкой дневника. Гибель Волкова, Добровольского и Пацаева также была днем школьного траура и наших слез.

По неизгладимости произведенного впечатления равным этим событиям оказался разве что советско-китайский военный конфликт на острове Даманском (шестой класс). Там в столкновении погибли наши пограничники. Событию на Даманском был посвящен целый урок. Страх, который подспудно вил гнездо в каждом из нас уже хотя бы потому, что все мы были генетически предрасположены к страху, этот страх стал абсолютной частью нашей жизни. Очень быстро мы адаптировались к нему и, в сущности, не замечали его...

В школьном дворе нас учили копать щели, а в подвале школы был устроен тир. Нас водили туда стрелять по мишени «из упора лежа». Может, кроме «упора лежа», был какой-то еще «упор», но именно положение «лежа» меня беспокоило. Мимо наших ног, раздвинутых на ширину плеч, чинно вышагивал военрук (он же учитель истории), человек почтенного возраста (что не мешало нашему смущенью). Но этот дискомфорт никак не влиял на качество лично моей стрельбы. Военрук меня хвалил, и я поняла, как применить себя в случае войны, к которой мы исподволь не переставали готовиться: я решила, что смогу стать «ворошиловским стрелком». Я не знала тогда, что две мировые войны уже подтвердили: самые лучшие снайперы – женщины. Полагаю, что и радистка из меня тоже получилась бы. Мне нравился маленький ладный аппарат Морзе, рычажок, напоминавший ручку кофемолки, и, главное, специфический глуховатый звук, который издавал ключ при соприкосновении с металлической пластинкой. Похожий звук издают лопающиеся при легком нажатии пузырьки упаковочной пленки.

Надо сказать, и звуковой фон в нашем районе был приближен к военному: неподалеку, на Ржевке-Пороховых, располагался артиллерийский полигон, и ежедневно с той или иной частотой до нас доносилось уханье тяжелых орудий.

А однажды повезли в ЦПКиО прыгать с парашютом.

Впечатление от первого прыжка – несколько секунд свободного полета, пока рывком не натянулись стропы, – было таким небывалым, что, не успев толком разобраться в собственных ощущениях, я снова полезла на вышку. Уже наверху я задним числом почувствовала страх и упиралась руками и ногами до тех пор, пока меня не сбросили вниз самым бесцеремонным образом.

Уроки домоводства (кройка и шитье, приготовление пищи) были для меня мучительны. Руки, которые прекрасно слушались меня, когда надо было нажимать курок, собирать-разбирать ружье, надевать-снимать противогаз, накладывать марлевые повязки, жгуты и шины на уроке гражданской обороны совершенно переставали повиноваться, когда в них попадали иголка с ниткой, ножницы или поварешка. Знаю точно: для войны я была приспособлена гораздо лучше, чем для мира. Может, результат селекции? Военные навыки я сохранила до сих пор.

В коридоре первого этажа, там, где нас выстраивали на классные линейки, стены были увешаны плакатами: бомбоубежища в разрезе, люди и животные после атомной бомбардировки, лучевые поражения кожи, мягких тканей, слизистой оболочки. Однажды я попросила родителей завести собаку, о которой мечтала с тех пор, как прочла повесть «Белый клык». Никакая собака, а тем более вожака мною походящая на волка немецкая овчарка, в планы родителей не входила. Тогда я нашла убийственный аргумент – единственное объяснение, почему нужно завести собаку: «Ведь все равно скоро война, и все мы умрем...»

Пока я решала, как лучше прожить оставшиеся до американской ядерной бомбардировки месяцы (ну, год-два максимум), Андрюшка А., наш одноклассник, погиб, подорвавшись на гранате не то немецкого, не то советского производства. С компанией мальчишек он повадился собирать оружие в местах, где раньше проходила линия фронта. В первый раз ему оторвало фаланги пальцев и повредило глаз. Андрюшку вылечили, он остался на второй год, но тайные вылазки на Синявинские болота продолжил. В своем втором шестом классе он пустил насмарку дубль, подаренный ему судьбой, когда окончательно подорвался на проти-

вотанковой mine, где Андрюшкино детское тело перемешалось с не захороненными со времен войны останками солдат одной из самых кровопролитных битв. Андрюшку собрали и похоронили, в отличие от тысяч убитых, чьи косточки до сих пор поднимают и с почестями предадут земле немногие энтузиасты из поисковых отрядов.

Следует думать, война не просто занимала существенное место в моей жизни, а была органичной частью самоощущения. Косвенно подтверждает это и недавнее воспоминание (напрочь у меня отсутствующее) моей одноклассницы Люды. В третьем-четвертом классах мы ходили гулять «через дорогу», в заброшенное садоводство, от которого остался яблоневый сад (несколько покореженных старых стволов, среди которых было удобно прятаться, устраивая шалаш). Так вот, в этом шалаше я рассказывала подружкам историю о том, что мои родители – не мои, а меня нашли в блокаду и воспитали бабушки. Рассказ сопровождался душераздирающими подробностями, девочки плакали, и только дотошная отличница Люда поинтересовалась потом у своей матери: «Тогда сколько же на самом деле Наташке лет?»

Однако кроме войны был в моей школе и мир. Он заключался в любви, дружбе и уроках литературы.

Первая любовь случилась со мной во втором классе на уроке ритмики. Откуда возникло такое название, мне неизвестно. Может быть, считалось, что «уроки танцев» – звучит слишком манерно, несерьезно для образовательного процесса. В слове «ритмика» было больше от строевой подготовки, нежели от плавных движений, которые мы и пытались из всех сил воспроизвести в специальном классе, куда входили, разбившись на мальчиков и девочек. Тут-то надо было проявить максимум внимания и сноровки, чтобы оказаться в паре с голубоглазым хорошистом Вовкой Р., который оказался первым в череде Вовок (Вовка Д. – хулиган и двоечник; Вовка М. – веснушчатый отличник; Вовка К. – опять голубоглазый хорошист), в которых я последовательно влюблялась на протяжении всей школы.

Началу моей первой и главной школьной дружбы предшествовал почти идеологический конфликт. Это случилось в третьем классе, во время перемены, когда я стояла в почетном карауле возле бюста Ленина, установленного именно в нашей рекреации второго этажа. Я стояла по стойке смирно с поднятой в пионерском салюте рукой. Провести десять минут средней перемены в такой позе было непросто. Этот род советского послушания предполагал терпенье, которое у меня кончилось, когда моя одноклассница Катька стала приплясывать перед моим носом и корчить рожи. Покинуть пост, чтобы проучить Катьку, я не могла: совсем недавно мы разбирали на уроке рассказ Л. Пантелеева «Честное слово», и я понимала, что должна стоять до последнего. Выждав момент, когда кривляющаяся Катька оказалась максимально близко от меня, я плюнула в нее, не меняя позы и выражения лица.

Вышел скандал, и вечером того же дня к моим родителям пришла Катькина мама вместе с Катькой – выяснять отношения. Не помню, как проходило выяснение, но помню, что в конце концов мы протянули друг другу руки.

В седьмом классе наша с Катькой дружба была окончательно скреплена любовью к Динэре. Назову ее так, как она сама назвала себя в своей юношеской автобиографической повести, которая попала в мои руки несколько десятилетий спустя.

Имя Динэра было аббревиатурой от «Дитя Новой Эры». Она два года преподавала нам литературу. Может, наше счастье началось бы и раньше, с 6-го класса. Но, когда Динэра только появилась в школе, ее поставили библиотекарем. Место учителя было, но А. И., директорша, устроила ей что-то вроде испытательного срока. И не потому, что Динэра была из семьи репрессированного (имелись, естественно, в школе и еще учителя с этим анамнезом), а потому, что у Динэры была репутация другой. Она была слишком независимая, слишком знающая. Речь, конечно, шла не о знании своего предмета (волшебном), а о каком-то другом знании, которое она не выдавала, но которое стояло за ней, и которое мы чуяли, как звери чуют в пустыне воду. Настороженность директора по отношению к Динэре не смяг-

чало даже то обстоятельство, что Динэра тоже была фронтовичкой. Может, это служило предметом ревности – ведь наша Динэра участвовала в Сталинградской битве.

Понятно, что сведения об устройстве окружающего нас человеческого мира, об отношениях между людьми мы черпали в большей степени из литературы, нежели из разговоров со старшими, будь то родители или учителя. Учителям разговаривать с нами было некогда: они нас учили. С родителями у большинства из нас особой задушевности тоже не получалось. Может быть, потому что и они своими родителями не были приучены разговаривать. Это объяснимо: слишком многое поколениям советских людей приходилось друг от друга скрывать. В массе своей это были молчащие поколения. Именно так недавно сказали о себе несколько моих знакомых стариков. Этот последовательный «заговор молчания» стал причиной «провалов в памяти» и следующих поколений. Результаты его оказались катастрофическими: потомки не столько не хотели, сколько уже не умели понять и принять в сердце прошлое своих предков.

Наша Динэра с нами разговаривала. И сейчас я должна дать слово ей для рассказа о том, что стояло за ее беседами с нами.

Ей было шестнадцать, когда она пыталась покончить с собой: ее, дочь «врага народа», не принимали в комсомол. Вынести это девочке, назвавшей себя Дитем Новой Эры, было нестерпимо. Вот строки из ее воспоминаний.

«Наш дом находился на берегу Днепра, я видела, как женщины полощут белье в проруби. Понимала, как непросто и мучительно будет совершить это, но я решилась. Продумала все до мелочей. Даже одеяло на кровати положила так, чтобы не сразу заметили, что меня нет. И ночью в одной рубашке, босиком по снегу пошла через двор к Днепру. Холодно, больно ногам. Будет еще больнее, надо терпеть. Я терпеливая. Где прорубь? Не могу найти. Вот она, но она замерзла. Я стояла в оцепенении... Все равно я простужусь и умру, – утешала я себя. Но я даже не заболела».

Через несколько лет началась война. Ее с младшей сестрой отправили в эвакуацию, в Саратов. Она страстно мечтала о фронте и при первой же возможности свою мечту осуществила. Был объявлен набор добровольцев для службы топографами и связистами. Младшая сестра убедила старшую, что в армию должна идти именно она, Динэра, потому что, «если нас обеих убьют, у мамы никого не останется». И еще она говорила: «Ты уже на третьем курсе и скоро сможешь обеспечивать семью». Сестра дала себя уговорить. Так Динэра оказалась под Сталинградом.

«Мы оказались под Сталинградом в январе сорок третьего года, когда бои шли еще у тракторного завода... Однажды при мне командиру полка доложили, что наши отбили тракторный завод, а это означало, что Сталинград наш! Об этом еще не знали ни Москва, не остальной мир. Я почувствовала: вот он – ветер истории... Пока солдаты очищали город от оружия и неразорвавшихся мин, нас направили собирать трофеи. ...Разрушенные здания, запах гари и повсюду убитые. ...Я среди них хожу, собираю оружие, провода, почтовые принадлежности... Вижу совсем молодого немецкого солдата, упавшего навзничь. Белокурые волосы, синие-синие глаза смотрят в небо... И тут я почувствовала острую жалость – передо мной был не фашист, а... человек, погубленный войной...»

...Я отчетливо помню искривленную, чуть подвернутую внутрь кисть ее правой руки. Помню, как этой рукой она выводила нам оценки. Когда она ушла от нас после восьмого класса и на несколько лет уехала из города, мы начали переписываться. Я храню страницы из школьных тетрадей, исписанные ее дрожащим, но твердым почерком.

...Когда я думаю о Динэре, я думаю о том, что часто, находясь внутри истории, мы даже не подозреваем об этом.

Ее отъезд стал для нас трагедией. Вся вымечтанная программа по литературе, прочитанные за год Тургенев и Толстой – все было насмарку, потому что об этом теперь не с кем было разговаривать.

Завуч нас успокаивала, говорила, что придет другая учительница, и мы привыкнем... Но к той, что пришла, мы никогда не привыкли. Зато, сами того не зная, получили первый опыт внутренней эмиграции.

Ее звали Франциска. Имена любимых учителей мы никогда не сокращали. Эта же сразу стала для нас «Франей». Она была похожа на девочку, каких рисовали в советских детских книжках, только вдруг состарившуюся. У нее было круглое белое лицо и едва прикрывающая уши, всегда одна и та же аккуратная стрижка с короткой челкой (алый бант на макушке дорисовывало наше воображение). В общем, мы сразу невзлюбили друг друга.

«Мы» – это компания из семи человек, прозванная себя «конторой»: три девочки и четыре мальчика. С остальным классом, и с двумя параллельными, да и со всеми последующими поколениями учеников нашей школы у Франи тоже не заладилось, но именно нашу условно божественную и вольнолюбивую «контору» она принижала последовательно и педантично. На родительских собраниях она говорила о нас вежливые гадости нашим родителям. В наших характеристиках писала, что «лучше нам было после восьмого класса идти в ПТУ». Но главное – она знала, что более всего нас бесит, когда наши эмоции разбиваются, как о кирпичную стену, о ее унижительное безразличие. И пользовалась этим. Склонив голову немного вбок, она обводила класс маленькими карими глазами, а потом, нещадно грассируя, тихо говорила: «Вы думаете, Толстой – это пегвый бал Наташи Гостовой? Нет. – Она делала паузу, а потом трижды коротко разрубала воздух пухлой рукой: – Шенггабен. Аустеглиц. Богодино». И победоносно улыбалась.

Мы знали, что Франия одинока, что живет вдвоем со старой матерью, и что она, «кажется, старая дева». В десятом классе ей пришлось объяснять нам, почему Галя Ч. перестала посещать занятия и «вообще уходит из школы». Сначала Франия попросила мальчиков «покинуть класс», а потом сообщила, что Галя Ч. беременна. «Это от слова “бремя”», – объяснила Франия, извлекая «приличный» корень из «неприличного» в целом слова. И добавила: «Ну, вы большие, вы понимаете, что это бывает». Ее белое мягкое лицо покрылось красными пятнами, а мы злорадствовали, лицемерно опуская глаза. Но, думаю, это мучительное объяснение с нашим десятым «В», где она как на грех была классным руководителем, ни в какое сравнение не шло с разносом, который учинила ей наша директриса за то, что «недоглядела».

...В мой последний школьный год произошло важное в исторической ретроспективе событие, которое оценить должным образом в то время мы, разумеется, не могли, и только постфактум я понимаю, что таким странным образом государство подмигнуло нам (а моя собственная жизнь обзавелась еще одной рифмой, на сей раз опоясывающей).

Итак, в 1973 году нас по разнарядке (были задействованы все старшие классы района) отправили на строительство метро. Это была «стройка века» местного, ленинградского значения, а именно – станция «Площадь Мужества», находившаяся на одной прямой с Пискаревским мемориальным кладбищем и тематически (названием и внутренним декором) посвященная блокадному подвигу ленинградцев. Правда, в тот весенний день, когда нас сняли с занятий и привезли к огороженному участку стройки на проспекте Непокоренных, ни о каком декоре речи еще не было, хотя сроки поджимали (девятая пятилетка, на носу юбилейный, XXV съезд партии, а наш местный эффективный менеджер Григорий Романов мотил чуть ли не в генсеки).

В открытой деревянной клетке подъемника нас группами по очереди спускали на глубину семидесяти метров (двадцатизэтажный дом). Я запомнила плывущие мимо меня вверх темно-коричневые, влажные глинистые стены колодца-шахты, скрипы, издаваемые клетью,

и томительную бесконечность медленного движения вниз (пародия на ровно в противоположную сторону направленный космический лифт Циолковского).

Тоннель, в котором мы оказались, был полностью прорыт. Его свод полукругом смыкался над нами, и мне мерещились фантомы будущих электричек, бесшумно и страшно вылетающих из-за дальнего поворота. Всем было не по себе. Балагурия и нарочито громко смеясь, мы в течение нескольких часов собирали в тележки и отвозили к подъемнику строительный мусор.

...Год спустя именно в этом месте смесь песка и воды прорвалась со скоростью двести кубометров в минуту и затопила тоннель: красную ветку метро тянули прямо через пливун, огибать который было слишком дорого.

Моя школа закончилась для меня именно этим событием, а не рутинной сдачей выпускных экзаменов.

Спустя десять лет Франциска вышла на пенсию. Еще через несколько лет не стало ее матери, единственного человека, к которому она была сильно привязана. Когда соседи по коммуналке зашли в их комнату, они обнаружили, что Франциска лежит в кровати, обнимая мертвую мать. Наверное, так они спали в войну, на оккупированной территории, до того как были чудом спасены. Вскоре после смерти матери Франциска выбросилась из окна.

Моя Динэра вернулась в Ленинград и много лет была моей главной душевной поддержкой. Дитя Новой Эры, она умерла в начале нового тысячелетия.

Самолет, который стоял на постаменте под окнами нашего класса, проржавел и стал рассыпаться. После перестройки его, в целях безопасности, разобрали и утилизировали.

Недавно я позвонила в школу, чтобы узнать о судьбе капсулы с заветами. Оказалось, про капсулу никто ничего никогда не слышал. «Как же такое возможно? – не поверила я. – Неужели вам не говорили?» Оказывается, не говорили. И предыдущему директору тоже ничего известно не было. Мое удивление, видимо, насторожило руководство школы. Мне пообещали, что если я точно укажу, куда замуровали капсулу, то ее попробуют найти. Я ответила, что попытаюсь вспомнить и перезвоню. Но вряд ли стану это делать.

Я и сама уже не смогу найти то место в небе, где находится моя звезда КЭЦ.

Мария Уварова

Нельзя! Ни по-русски, ни по-английски

До школы было бежать семь минут по проходным дворам или двенадцать – вниз-вверх по переулку вокруг Морозовского садика. Нырнешь под арку церкви Троицы в Хохлах, а оттуда уцелевшими глазами печально смотрят святые лики – закопченные, облупленные, забытые. А из купола церкви растут небольшие деревья и иногда вываливаются кирпичи.

Моей школе досталось здание старой мужской гимназии в Большом Вузовском переулке – с широкими мраморными лестницами, ступени которых вытерты посередине еще дореволюционными ногами, двухэтажным актовым залом с балюстрадой и зеркалами до потолка в коридорах. Может, из-за всей этой красоты школу и объявили вскоре после моего поступления специализированной, с преподаванием ряда предметов на английском языке. А таких в шестидесятые годы было раз и обчелся.

Несмотря на гордое звание, «ряды», конечно, никакого не было: простых-то учителей английского найти была проблема, уж не говоря о преподавании на нем географии или истории. Но английский – был! И сразу стал отдушиной. Во-первых, в отличие от остальных школьных предметов – занудных или непонятных – для его освоения не надо было прикладывать никаких усилий: он сам вливался в голову, удобно в ней укладывался и в нужный момент легко соскакивал с языка. Наверно, сказывалось, что в раннем детстве английские слова были нашим с мамой секретным кодом, игрой, не понятной в то время для окружающих. А во-вторых, он выделялся на фоне общей затхлости и скуки. Например, начальная военная подготовка – с противогазами и разборкой автомата Калашникова за четыре минуты. Или история, на которой нам диктовали доказательства, что любой строй неизбежно ведет к победе коммунизма. Какое мне было дело до коммунизма? А вот английский что-то обещал, открывал узкую щель в серой жизни, сквозь которую просачивались волшебные названия, мелькали неведомые пейзажи, слышались странные песни и временами как будто даже доносился стук колес уходящего поезда. В общем, одно сплошное обещание...

В восьмом классе наконец в расписании появился первый предмет на языке – английская литература. Вместе с ним явился учитель – Винсент Иванович. До него в школе имелось два учителя-мужчины: пожилой душевный физрук и пронафталиненный энвэпэшник в военном кителе. Костяк педсостава составляли преклонных лет женщины разной степени усталости и близости к нервному срыву.

Винсент Иванович был существом иной породы. В сущности, его именем – Винсент – уже было все сказано. Можно было просто повторять это имя с закрытыми глазами. Но и с открытыми глазами было чему удивиться. Его облик и сейчас – через сорок лет! – в памяти всплывает мгновенно: волнистые волосы, мечтательные пушистые глаза и тихий завораживающий голос.

Такой ошеломляющей красоты я в своей жизни еще не встречала. Ну, может быть, только юный Маугли в книге Киплинга, но тот был нарисованный, а Винсент Иванович – высокий и серьезный – стоял на расстоянии вытянутой руки.

На первом уроке Винсент Иванович открыл книгу и стал читать вслух трагедию «Гамлет» Шекспира в оригинале. Читал долго, вполголоса, погрузившись в странный ритм непонятных слов и не замечая происходящего вокруг мелкого хулиганства. Класс, быстро разобравшись, что спрашивать сегодня не будут, довольно гудел и кидался предметами.

Я сидела на первой парте с горящими ушами и хотела плакать. Изнутри волнами поднималась любовь – то ли к Гамлету с Шекспиром, то ли к одинокому и отважному Винсенту Ивановичу. В конце урока, закрыв книгу, он тихо произнес: «Кто хочет, может дома выучить наизусть отрывок из “Гамлета”».

Я поняла, что нужно делать – любовь нашла выход. Я выучу – и не какой-то маленький отрывок, а весь главный монолог принца Датского от первого до последнего слова. Для начала надо было постараться расшифровать его: понятными выглядели только предлоги и артикли. Толстый обгрызенный любимой собакой словарь Гальперина добросовестно предлагал несколько значений каждого слова, но все они были какие-то неподходящие, топорные... Ну и не надо! Я учила монолог как песню, небесную музыку, и смысл постепенно прояснялся сам, без перевода отдельных слов – страх, надежда, одиночество, отчаяние...

На следующем уроке Винсента Ивановича я одна подняла руку. Стоя у доски и уставившись в одну точку поверх голов одноклассников, я пропела свою любовь к учителю, Гамлету, нимфе Офелии и их нежно-прекрасному языку и потом – совершенно опустошенная – села на место. «Ты чего выла, как психованная?» – спросила соседка по парте. Винсент Иванович задумчиво улыбался. Он продержался в нашей школе одну четверть.

Ирина Озеркова Нас готовили стать элитой Москвы...

Вторая моя школа неожиданно для меня оказалась, наверное, самой центральной школой Москвы. Возможно, кто-то поступил туда «по благу», но я сдала два экзамена, почему-то именовавшихся собеседованиями, – по математике и физике. А над единственной девочкой в классе, про которую было известно, что она занимается с репетитором, немного посмеивались.

Кстати, немосквичей оказалось двое – я и мальчик из Химок. Никого не интересовало, сколько часов в день занимает наша дорога до школы, пока мы не опаздывали на занятия и на введенную примерно с середины девятого класса обязательную зарядку. Ровно в 8.15 дверь закрывалась на засов, и войти можно было, только сдав дневник дежурному учителю. Но технички меня жалели – пропускали через заднюю, столовскую дверь, надо было только дожидаться, пока учитель уйдет. А не опаздывать совсем я не могла – электрички ходили плохо, особенно зимой 10-го класса. В тот год среднее опоздание составляло 30–40 минут, а пару раз я вообще смогла приехать только к третьему-четвертому уроку. Но я любила школу, и пропускать занятия вовсе не хотелось. Впрочем, школа работала не всегда – в дни «кремлевских похорон» милиция перекрывала все подходы к ней.

Но школа действительно была уникальной не только по местоположению. Официально она именовалась очень сложно – средняя общеобразовательная трудовая политехническая школа № 179, про себя мы ее именовали «химико-литературно-физкультурная» – по предметам, которые нам давались наиболее тяжело, но в действительности наш класс, как и параллельный, был математическим. Вообще, так их школ на всю Москву было только три – наша, № 57 и № 444. Став уже взрослой, учителем, я искренне не понимаю, как можно было делать все то, что делалось там, – современного учителя и директора в лучшем случае за это уволили бы. Впрочем, директора и уволили спустя две недели после первого сентября, когда я еще только поступила в девятый класс.

Все выпускники, которых учил математике Сергей Григорьевич Роман, считают, что им очень повезло в жизни. И это не мое личное мнение. Я не знаю, что у меня на самом деле стояло в журнале, но, объявляя мои результаты очередной контрольной, он почти весь девятый класс говорил: «Честная трудовая тройка». И это не вызывало у меня такой реакции, как в той первой школе: «Что я сделала не так?» Потому что было ясно что. И он всегда объяснял, чем тройка с минусом отличается от двойки с плюсом и почему в последнем случае тройку с двумя минусами он поставить никак не может. Вообще объяснял он здорово. Так, когда весь класс мучился с пониманием определения предела, он привлек на помощь «чужого дядю с мешком эпсилонов», для которых нужно было рассчитать дельта-окрестность. Итоговые уроки по матанализу он всегда проводил в форме коллоквиума, на который приглашал ассистентами своих же выпускников. И никогда не спорил – какие оценки они поставили, такие поставили. И если троечнице вдруг поставили 5, значит, доказанная без подготовки теорема перевешивает недорешенные дома задачи. Зато на выпускном экзамене письменная работа оказалась практически для всех очень легкой. Мы, несколько девочек, сидели и проверяли ее вместе с ним, снижая оценки за неправильно написанное слово «абсцисса» (математики далеко не все ладили с русским языком, один мальчик вообще регулярно получал за сочинения 5/2). И даже с учетом грамотности экзаменационных пятерок у нас оказалось больше двадцати на класс в тридцать четыре выпускника. А в аттестат в основном пошли четверки.

Но никого это не пугало. Ведь еще на первом родительском собрании нам сказали: «Если вы хотите, чтобы ваш ребенок получил золотую медаль, то вы пришли не по адресу. Но если вы хотите, чтобы он поступил на физмат в одном из лучших вузов Москвы, то эта

школа для вас». Действительно, медалистов в нашей школе никогда не было, и это никого не пугало и не останавливало от поступления. Зато мы, хорошисты, поступив в вузы (а из двух выпускных классов по тридцать с лишним человек в классе только в МГУ поступило четырнадцать), учились лучше многих золотых медалистов.

А в школе, в то время как мои сверстницы долбали в УПК машинопись, а сверстники работали в мастерской, мы слушали лекции по многим разделам математики, которые читали нам разные люди. Один из разделов – векторная алгебра – нам так понравился, что обычные школьные задачки по стереометрии мы решали именно таким способом, а не предписанным школьными учебниками. Сергей Григорьевич не возражал. Он вообще возражал только тогда, когда кто-то из нас произносил слово «очевидно»: «Очевидно – это то, что можно доказать менее чем в полчаса». Соответственно, приходилось доказывать. Зато очень кипятилась Елена Ивановна, учитель параллельного класса, когда, придя на замену, обнаружила, что весь класс путается в длинных расчетах треугольников и, более того, искренне не понимает, зачем их вообще нужно рассчитывать, если можно решить задачу в две строчки, прибегнув к вузовскому методу решения.

Там же я впервые узнала и о программировании. Просто не было – мы писали программы на бланках и сдавали их учителю, а раз в неделю нам приносили листинги с результатами. Наши «шефы» работали в основном в институте прикладной математики, и как им удалось организовать практику школьников на режимном предприятии, я не понимаю.

А половина нашего класса на летнюю практику попала вообще в МГУ, и я впервые увидела компьютер – рабочую комнату с мониторами, а впоследствии и сам «шкаф» со стоящим рядом АЦПУ. И этот компьютер был «мини», чему бы не поверили современные школьники. И за неделю я поняла, что я, наверное, программист.

Физики у нас вообще несколько месяцев не было – последствия увольнения директора, и догоняли мы как-то странно – сначала сдавая несколько параграфов за раз, а потом две-три недели выполняя только лабораторные работы. И только в десятом классе у нас появился постоянный учитель – бывший (а может, и не бывший) инженер, проектировавший космические станции «Венера». При этом даже я, понимавшая физику существенно хуже математики, ухитрилась на выпускных и вступительных экзаменах получить оценку 5.

По химии нас гоняли хорошо, и когда говорят, что групповая работа – педагогическое изобретение последних лет, я не верю: мы все лабораторные делали группами по четыре человека, при этом каждый раз старшим группы был кто-то другой.

И метод проектов – мы их делали по программированию, а потом весной 10-го класса защищали.

На нас не экономили – для нас было целых три учителя иностранного языка. Большинство изучало английский язык, восемь человек, включая меня, – немецкий (причем гоняли нас так, что именно по немецкому мне пришлось какое-то время заниматься с репетитором), а одна девочка учила французский. Современных детей в такой ситуации всех просто заставили бы учить английский.

Где нас действительно гоняли до изнеможения – это на физкультуре. У нас была коробка за школой, но бегали мы не там, а в ближайшем сквере. Представьте себе картину: на Пушкинскую улицу (кто не знает – одна из самых центральных) из проходного подъезда вываливается толпа подростков в спортивной форме. Прохожие, кажется, пугались. На лыжи мы ездили вообще в Филевский парк, через весь город, причем не как современные дети – с флажками, учителем и бумагой с печатью, подтверждающей выход, – а самостоятельно на метро. И попробуй только опоздать! В дни, когда лыжи, с тоской глядишь на градусник: – 22 или –24? Но не –25! И шубу на себя, а куртку со свитером в сумку – и вперед. В такие дни разрешалось приходить без школьной формы, хотя в остальное время это было просто невозможно. Доставалось за мелочи – рубашку не того цвета, водолазку вместо рубашки...

А вот классную руководительницу я не любила, и это было взаимно. Поколебать ее мнение обо мне не могли ни мое неожиданное увлечение философией (а она преподавала историю и обществоведение), ни призовое место на районном конкурсе рефератов. Мой папа называл ее «капралом в юбке», она и была такой. Выпустив нас, она ушла директором в другую школу, и наш комсорг Володя с горечью рассказывал, как он позвонил ей, а она не захотела с ним даже разговаривать.

А еще мы сидели с продленкой, когда у учителей был педсовет. Малыши нас очень любили, радовались, когда мы заходили на их этаж. Я помню, как на последнем звонке один из них очень хотел со мной сфотографироваться – где-то дома даже есть фотография.

Но мы не только много учились. Помню, как на переменах ребята доставали гитару и пели песни, очень многие из которых я слышала впервые. Нашим неофициальным гимном, судя по частоте исполнения, была «Песня о собачке Тябе», хотя на всех мероприятиях пелось несколько другое – например «Сороковые, роковые». Мы могли после уроков сорваться в музей, поскольку туда привезли из заграницы новую выставку, и дружно стоять на морозе многочасовую очередь. Вспоминается школьный вечер, на котором играли «Зодчие» – очень популярная в то время группа. На самом деле каких-то массовых воспитательных мероприятий у нас было немного, у современных школьников их на порядок больше. Зато на уроки тратилось очень много времени, и я, привыкшая делать все максимум за полчаса, столкнулась с серьезной проблемой – порой перед коллоквиумом приходилось сидеть чуть ли не до двух часов ночи. Но мне и в голову не приходило просить: «Верните меня обратно в старую школу».

Вообще-то школой по месту жительства нас пугали, если мы что-то делали не так: «Твоя микрорайонная школа тебя ждет». Но ушли очень немногие. А те, кто остались, считают ее самой лучшей школой. Моя одноклассница на вечере встречи выпускников (неофициальном – сейчас в нашу школу выпускников и на порог не пускают, даже сфотографироваться в родных стенах) говорила: «Я уже не помню математику, которую мы изучали. Но школа научила меня думать».

Кстати, мы были последним математическим выпуском этой школы.

Петр Кобинцев Первый раз...

Слоган «Первый раз в первый класс» мы все помним с детства.

У меня он случился в 1979 году. Было мне тогда семь с половиной лет, потому что родился я в январе.

Меня торжественно проводили в Могилевскую школу номер два – с художественным уклоном. И, выяснив, что дорогу я помню хорошо, уже не водили больше за руку, как некоторых девочек и мальчиков, и не встречали после уроков на пороге школы с шоколадкой. На это были причины: у меня родилась младшая сестра. Об этом мне сообщил радостный и взволнованный папа, а меня жутко расстроило это известие, потому что я хотел брата. И тогда мне казалось, что это самое страшное горе.

У нас в школе, как практически в любом советском учреждении, прямо у входа висела картина с тремя божествами: Карлом Марксом, Фридрихом Энгельсом и Владимиром Ильичом Лениным. Именно в такой последовательности: два жутко заросших мужика хорошо контрастировали с лысиной вождя мирового пролетариата. Можно только догадываться, что думали про них дети начальных классов, которые не были еще политически подкованы. Мне лично они казались семьей: Маркс и Энгельс – отец и дедушка, а тот, что моложе, – видимо, внук и сын в одном лице. Надо отметить, что мальчиком я был стеснительным и робким, спрашивать об этом не решался, так что еще долго для меня было загадкой: что это за люди так грозно смотрят со стены.

В первый класс я пошел весьма подготовленным. Героическими усилиями бабушки и мамы я был выдрессирован и обучен читать и писать. Читал я бегло, а не по слогам. А писал в старом стиле: с закорючками на концах букв – так меня учила бабуля по учебнику, изданному едва ли не при царском режиме. Когда я вывел такие вензеля своей первой учительнице, – кстати, заслуженной, с медалью на груди, – она удивленно вскинула брови и вручила мне прописи. Там все было настолько просто, что я сразу же выполнил задание. Душа пела, я был доволен!

С рвением выполнив первое домашнее задание, я был в предвкушении свободы: «Сделал дело – гуляй смело». Однако мама, вернувшаяся из роддома вместе с моей сестричкой, решила меня «повоспитывать» и сказала, чтобы я выписывал буквы и дальше – не помешает. Я почувствовал себя жутко обманутым: дело же сделал, а как же – гуляй смело? И в моей душе поднялся протест. Но так как родители были со мной всегда строги, то на открытый бунт я не решился – просто стал задание выполнять ближе к вечеру, чтобы не делать лишнего. Так и учился.

В школе нас рассадили по степени IQ: более сообразительных – по мнению нашей учительницы – в первые ряды, менее активных – в средние, а «балласт» – да вы и сами знаете... Почему, за какие прегрешения я оказался на последних рядах? Учился я хорошо, но не считал нужным подстраиваться под мнение учительницы или казаться лучше, чем я есть на самом деле. Не «стучал» на одноклассников, не жаловался, если меня обижали, – это было мне привито родителями с детства. Я всегда сам разбирался с обидчиками. На уроке я не тянул руку, хотя и знал ответ... Видимо, за мою скромность и молчаливость меня и не замечали.

А учительница холила-лелеяла первые ряды, при каждом удобном случае демонстрировала остальным, что это лучшие из лучших!

Ближе к концу первого класса меня удостоили «честь» попасть в средний ряд. Надо отметить, что мне тогда еще нравилось учиться. Нравилась сама школа, ее архитектура и парк из вековых деревьев во дворе.

Так как школа была с художественным уклоном, то нас с первого класса обучали рисованию по правилам высшей художественной школы. Преподавал у нас заслуженный художник Белоруссии – правда, не помню его фамилии. Вообще с запоминанием фамилий у меня было туго. Так как я стеснялся переспрашивать, а с первого раза не запоминал, то многие учителя так и остались в памяти – «русица», «физрук», «трудолик»...

Я любил школу. Даже тогда, когда учительница в гнев переломала карандаши, которые родители купили мне в Москве. На них была изображена таблица умножения, а по мнению педагога, это было «кощунственно»! К слову сказать, я знал эту таблицу всю, и карандаши для меня не были шпаргалкой. В те времена у нас в Могилеве таких было днем с огнем не сыскать! Красивые, с отличными грифелями – их можно было смело очинить точилкой без боязни, что сердечник раскрошится или вывалится из карандаша.

Даже когда художник вырвал клочок волос из моей бедной головы за то, что я наносил тени на рисунок твердым карандашом, – мне нравилась эта школа. Была там какая-то волшебная аура, особая атмосфера. Мне нравилось весной наблюдать за старшими классами, которые с мольбертами рассаживались на школьном дворе и рисовали пейзажи. Я мечтал, что тоже буду так рисовать. Вообще, я с трех лет довольно хорошо рисовал. Но при нашей тогдашней жизни фломастеры были недостижимой роскошью, а цветные карандаши не выдерживали никакой критики, вот я и пристрастился к черно-белому рисунку. Рисовал обычной шариковой ручкой. Но в школе нужно было рисовать в цвете, а мои очень даже неплохие рисунки простым карандашом были не оценены. А «творения» наших отличников были пятерочными. Возможно, срабатывал закон первого ряда.

Мы тогда учились шесть дней в неделю. И все шесть дней я сидел с утра до обеда в школе, затем с обеда до вечера (иногда до глубокой ночи) за уроками. В субботу я делал все уроки на понедельник, а в воскресенье, после завтрака и просмотра детских передач, смывался из дому до вечера. Ведь тогда (страшно подумать!) было всего два канала на ТВ, и детские передачи были редкостью, да и то ими жертвовали из-за футбола. Так что я сбегал из дома и, несмотря на угрозы расправы, если я не приду обедать, до вечера не появлялся. Возвращался домой счастливый, получал свои обещанные люли и ложился спать.

А вот каникулы были сплошным праздником! Вставал рано – и сразу на улицу! Но все хорошее, к сожалению, быстро кончается.

Однажды на перемене после первого урока я стоял в коридоре у окна и смотрел на школьный двор. Весеннее утро настроило меня на романтическое состояние. Я просто выпал из реальности, пока меня грубо не вернул пацан из пятого класса: он ворвался в нашу толпу первоклашек и принялся дубасить направо-налево. Бил подло – в солнечное сплетение или, проще говоря, под дых. Видимо, кто-то показал этот удар, и ему не терпелось его опробовать. Разумеется, на ровесниках он этого делать не стал – по понятным причинам.

Под его руку подвернулся и я. Было не так больно, как обидно. Я, как рыба, выброшенная на берег, пытался глотнуть воздуха и никак не мог. А этот «боец», гогоча, умчался по коридору. До сих пор живы в памяти эти ощущения! Я решил, что не прощу! Парень был приметный: на нем был питерский школьный костюм – они отличались тем, что курточки у них были с множеством карманов и шевроном на рукаве. Это была мечта каждого мальчишки!

В общем, прекрасный весенний день был безжалостно испорчен. Я все вспоминал этот наглый взгляд и торжествующий смех и хотел отомстить. Да! Хотел доказать ему, что первоклашник – тоже человек! В этот же день по дороге домой я увидел этого хулигана во дворе школы. И понял: здесь и сейчас! Потому что другого раза может не быть. Потому что злость забывается, и на ее место приходит трусость и нерешительность. Потому что я не хотел прощать!

Подойдя вплотную, я хмуро посмотрел ему в лицо снизу вверх: задира был выше меня на голову. Он удивленно посмотрел, потом в глазах промелькнуло, что узнал. Не говоря ни слова, я со всей возможной силой, налитанной обидой, ударил его туда же, куда бил он. Воздух вылетел из его легких, как из разорванного шарика. Парень упал на колени и превратился из бравого героя в сопляка, режущего на асфальте. Мне стало противно от его вида, но в душе была радость: я наказал пятиклассника и не собирался бежать. Продолжая спокойно идти по школьному двору, я слышал, как переговаривались его одноклассники, как громко и взволнованно спрашивала учительница, что случилось.

Никто так и не понял, что произошло. Но мы-то с ним знали! И больше он никогда ко мне даже не подходил. А я вынес еще один урок для себя: то, что делается уверенно, – убеждает.

Дмитрий Колобов Дни интерната

В обычной школе мне поучиться не довелось. Я родился почти слепым, а ни в нашем городе, ни в области учебных заведений для таких, как я, не было. Поэтому в 1989 году в возрасте восьми лет я был отправлен на учебу в город Петрозаводск в спецшколу-интернат № 23 для слепых и слабовидящих детей.

Всего в школе училось около ста пятидесяти человек, среди которых было много сирот и детдомовцев. К каждому классу были приставлены по два воспитателя, в чьи обязанности входило следить за нами, гулять с нами, помогать готовить уроки. Девочки жили в левом крыле здания, мальчики – в правом. У каждого класса была своя комната-спальня. Каждому полагалась железная кровать и тумбочка для личных вещей. Впрочем, по-настоящему ценные вещи в тумбочках никто не хранил, предпочитая прятать их под матрасом.

Жили мы строго по расписанию:

в 7.00 – подъем,
в 7.30 – зарядка,
в 8.00 – завтрак,
в 9.00 – начало уроков,
в 13.00 – окончание уроков,
в 14.00 – обед,
потом тихий час,
дальше – свободное время до 18.00,
потом – самоподготовка до 19.00,
в 19.30 – ужин (младшая смена),
в 21.00 – отбой.

Старшеклассники жили по своему расписанию. Нередко приходили к нам на отбой и помогали воспитательницам укладывать нас спать, чего мы очень не любили. Еще к нам были приставлены шефы – ученики не то шестого, не то седьмого класса, точно не помню. Вот они-то в основном и следили за нами, чтобы мы не натворили бед. На ужине наесться нам мало когда удавалось, а потому мы тайно прихватывали кусочек-другой хлеба и ели его ночью. Почти у каждого под матрасом лежал запас.

Каждый вторник в школе проходила политинформация.

Сначала в нашем классе училось всего семь человек: шесть мальчиков и одна девочка. Потом пришли новенькие, и нас стало одиннадцать. Проблемы у всех были разные – кто-то страдал дальтонизмом, кто-то – светобоязнью, у многих было косоглазие. Слепых ребят в нашем классе не было. А вот мой друг Сережа Крюковский был совсем слепой. Он учился на год младше. Мы познакомились и подружились. Я часто водил его по школе за руку.

Мои одноклассники были из разных городов, но большинство все-таки из Карелии. Те, кто жили в Петрозаводске, могли уходить домой на выходные (потом городская администрация выделила интернату автобус, который развозил-забирал ребят, и они могли отправляться домой каждый день после занятий). Остальные (к числу которых относился и я) ждали каникул, когда приезжали родители и забирали нас. Были и такие, кому уезжать было некуда: родителей и дома у них не было, и поступили они к нам в интернат из детдомов и спецшкол. Они жили в интернате, а на лето их отправляли в пионерлагеря. Бывало и так, что «домашние» тоже вынуждены были оставаться в интернате на выходные или даже на каникулы из-за семейных проблем: у кого-то запивал отец, у кого-то мама уезжала в командировку и оста-

вить ребенка было не с кем. У одного мальчика во время его учебы в интернате умер папа, у другого – мама...

Больше всех не повезло Саше Меркулову. Не могу сказать точно, откуда его занесло в наш интернат. Ни его матери, ни его отца я, как, впрочем, и другие мои одноклассники, не видел, потому что мама была лишена родительских прав, а папы и вовсе не было в живых... Саша как-то говорил, что он якобы погиб на войне, но впоследствии я узнал, что все было гораздо проще и банальней: его просто убили в пьяной драке...

Одноклассники мои были ребятами неплохими, но порой все-таки возникали конфликты и даже драки. Драться я не любил ужасно и предпочитал все вопросы решать мирно, но сдачи дать мог. Воспитательницы и учительница любили меня за это и порой приводили остальных в пример.

У каждого из нас был свой интернатовский документ – единый билет. Мы называли его просто «единый» или «единник». Это был наш пропуск в большой мир. По нему мы могли бесплатно ездить в общественном транспорте, ходить в музеи, кино, театры... «Единником» мы с моим одноклассником, другом и земляком Сашкой во втором классе решили воспользоваться для побега домой. Правда, убежали совсем недалеко, только до остановки. Там еще раз всё хорошенько обдумали и решили, что, пожалуй, лучше вернуться.

Осенью 1990 года мы стали октябрятами. Данное событие проходило на торжественной линейке в спортзале. Это первое хорошее воспоминание о школе. Еще одно хорошее воспоминание – это поездка на телевидение. Туда нас позвали на какую-то передачу. Тогда мы уже были второклашками, и к нам пришла еще одна новая девочка. Таким образом, нас стало восемь. Тогда же, во втором классе, гуляя с ребятами недалеко от школы, я угодил в трясину и чуть не погиб. Меня спас одноклассник. Он же, как это ни странно, разбил мне голову, играя со мной в догонялки по классу. Это вышло, в общем-то, случайно. Разбитая голова оказалась моей первой серьезной травмой. Страдал я и от дизентерии. Эта болезнь просто преследовала меня. Из-за нее я часто лежал в больнице, а мой класс сажали на карантин. Моим родителям об этом почему-то не сообщали. Гулял у нас по школе и педикулез, а через какое-то время началась эпидемия чесотки, после чего всех больных немедленно упрятали в изолятор... В медкабинете проверка на вшивость была обязательной процедурой...

Начиная с третьего класса мы стали дежурить по столовой. Это было наше первое ответственное задание. Были у нас и поручения. К примеру, я сначала был физоргом и понимал своих одноклассников криком «Подъем!», за что пацаны меня невзлюбили и вскоре на очередной политинформации поставили вопрос о немедленном переизбрании меня.

Приходилось мне столкнуться и с воровским беспределом. Это, пожалуй, было одной из главных бед. Крали буквально всё, но особенно обидно было за посылки, которые присылали из дома. Мы старались держать факт получения посылки в тайне, иначе рисковали остаться ни с чем. Если же это все-таки происходило, мне приходилось выслеживать таких «героев» и разбираться с ними на кулаках, хотя повторюсь, что драться я очень не любил. Что-то мне удавалось вернуть, а что-то нет. А чтобы силенок у меня было побольше, я стал по возможности чаще ходить в спортзал и тягать гири, подтягиваться и т. д.

По специально выделенным дням мы ходили в баню, которая находилась в подвале школы. Каждому из нас выдавали по кусочку хозяйственного мыла, которым мы и мылись с головы до ног.

С пятого класса мы начали изучать иностранный язык. Это был немецкий, который пошел у меня, равно как и русский, очень хорошо, и ко мне за помощью стал обращаться весь класс. Через некоторое время мое фото оказалось на доске почета на первом этаже. Для меня это было приятной неожиданностью. Попал я туда отнюдь не за хорошую учебу, а за относительно хорошее поведение, а моим родителям было передано благодарственное письмо за мое хорошее воспитание.

Многое менялось. Кто-то из ребят и воспитательниц уходил, а кто-то приходил... На новогодние каникулы я приезжал домой, а ездил я тогда уже один, как вполне взрослый человек, вместе с остальными ребятами и аж с пятью подарками. У нас были очень хорошие спонсоры-финны. В этом плане они, конечно, были молодцы, помогали нам.

Пел я в школьном хоре, хотя какой-то музыкальности в себе не чувствовал, но старался. Вскоре я ушел из хора в театральный кружок. Еще будучи второклашкой, я пытался говорить чужими голосами, кого-то пародируя и изображая, чем изрядно смешил всех одноклассников. Мой актерский талант разглядела одна из воспитательниц, заведующая драмкружком, и немедленно записала меня туда. Так я стал участвовать в конкурсах чтецов, играть какие-то роли в разных сценках.

Память у меня была хорошей, и потому запомнить слова роли для меня не составляло никакого труда. Мне это нравилось, и я очень старался как можно лучше сыграть. Про спорт-зал я не забывал и продолжал тягать гири. Мы подросли и теперь уже сами на отбое гоняли учеников младших классов. Про свою первую учительницу мы не забывали и иногда забегали к ней в младшие классы. Порой то у нас, то у девочек, – а их теперь было аж целых пять! – возникали ссоры, но примирение наступало быстро...

Мы выросли. Многие потихоньку начали курить. Курение же в интернате было строго запрещено. Устав бороться с курящими старшеклассниками, директор даже издал указ об отчислении таких ребят из интерната. Так за систематическое курение были исключены несколько учащихся...

Я тоже покинул интернат раньше положенного срока. Однажды, в самом начале учебного года, на обеде я вдруг ни с того ни с сего потерял сознание. После этого меня стали находить в бессознательном состоянии то в коридорах, то в классе, то в спальне... Меня немедленно освободили от физкультуры и категорически запретили поднимать тяжести. На уроках я соображал плохо: голова болела. В больнице, куда я попал после тяжелого припадка с пеной у рта, мне поставили диагноз – эпилепсия. Приступы набирали силу. Однажды я вдруг понял, что вообще перестаю узнавать своих одноклассников. Они стали посмеиваться над моим состоянием, что меня очень раздражало. Мне было непонятно, почему они стали это делать?

Меня продолжали кормить таблетками, от которых мне становилось еще хуже. Учился я теперь по щадящему режиму. Мне списали со счета все, что я пропустил, пока был в больнице. Ребята продолжали отпускать свои дурацкие шуточки в моей адрес, но я старался не обращать на это внимания... Давалось это нелегко. И когда в день рождения мне позвонила мама, сказав, что она забирает меня навсегда, я решил поделиться этой новостью с ребятами. Услышав об этом, они заметно приуныли. Воспитательница тоже не поверила, что я навсегда их покидаю. Тогда ребята попросили меня сесть, заявив, что им надо кое-что сказать. Я сел и стал ждать. Тяжело вздохнув, мои одноклассники попросили у меня прощения и сказали, чтобы я не держал на них зла. Жаль, конечно, что я не доучился и не сохранил свое здоровье. Жизнь нас раскидала, но я нашел некоторых одноклассников, и иногда мы общаемся.

Учителя

Валентина Акуленко **Дом над обрывом**

(воспоминания моей учительницы о 30–40-х)

Когда я прохожу мимо знакомого с детства здания школы № 10 на улице Анохина в Петрозаводске (теперь средняя школа имени А.С.Пушкина с углубленным изучением гуманитарных предметов), то всякий раз на минуту-другую задержусь перед памятной доской на фасаде. За лаконичной надписью «В этой школе с 1961 по 1981 годы работала директором Народный учитель, Почетный гражданин Республики Карелия Андерсон Галина Александровна» – уникальная, богатая на события судьба, неразрывно связанная с историей и Петрозаводска, и страны.

С пятого по восьмой класс я училась в этой школе. Директор Галина Александровна вела у нас физику. Но больше, чем предмет, с которым она нас знакомила, запомнилась она сама – высокая, стройная, подтянутая, с аккуратно уложенными русыми волосами на красивой голове. Как сейчас вижу ее лицо с лучистыми серо-голубыми глазами. Эти глаза бывали и по-директорски строгими, но чаще выражали материнское участие.

Выйдя на пенсию, «неугомонная Андерсон», как она в шутку себя называла, возглавила совет ветеранов-учителей и... с головой ушла в поиски семейной родословной, которая, как оказалось, тесно связана с историей Онежского (в прошлом Александровского пушечно-литейного) завода. Однажды Галина Александровна с заметками для публикации пришла в редакцию республиканской газеты «Северный курьер», в которой я заведовала отделом писем и работой с внештатными авторами, – так мы встретились снова. И моя учительница физики стала одним из активных авторов нашей газеты.

Девять лет, как она трагически погибла, а все не верится, что ее, такой деятельной, неувядающей, приветливо улыбающейся, уже нет...

Заслуженного учителя Карелии и России, бывшего директора школы Андерсон и сегодня многие помнят. Но мало кому известно, что еще в пятнадцать лет она стала абсолютной чемпионкой Карелии по стрельбе, что в 1939–1940 годах была чемпионкой РСФСР.

Однажды я попросила Галину Александровну рассказать о доме, в котором она выросла, – о том деревянном доме над обрывом возле моста через речку Неглинку, который раньше все в городе знали.

Рассказывала она неторопливо, душевно и как-то уютно, что хотелось ее слушать и слушать:

– Дом наш, который уже больше десяти лет как снесен, построен был в 1923 году. В Петрозаводске немало тех, кто помнит его гостеприимство. Полвека моей жизни прошли в его теплых стенах среди высоких сосен над обрывом. Впадину внизу с быстрой рекой Неглинкой считают следом схода огромного древнего ледника. Наверное, так и было. Поросшая деревьями впадина выглядит загадочно и живописно. А какие здесь горки были зимой! На лыжи – и вниз по крутому спуску, так что дух захватывает!

Наша улица называлась Северной. Теперь по одну сторону обрыва высится здание Школы искусств, по другую – новые современные корпуса. Наш бревенчатый дом выглядел бы игрушечным на этом фоне. Но в детстве он казался просторным и надежным. Таким для нас и был.

В первые годы советской власти поощрялось частное строительство, государство даже предоставляло для этих целей ссуду. Вот мой папа, Александр Васильевич Москалев, дого-

ворился с отличными мастерами своего дела. И дом получился удивительно ладный, с виду небольшой, но вместительный: несколько комнат с круглыми печами, кухня с русской печкой. Для семьи из шести человек места было достаточно.

Вечерами у жарко натопленной печки-голландки мама, Зинаида Николаевна, бывшая учительница, читала нам книги или рассказывала, как жили в старину. Мы очень любили эти часы. А всем нам четверым (двум братьям и двум сестрам) в зрелые годы нравилось вспоминать, как мама слушала свою любимую радиопередачу «Встреча с песней» Виктора Татарского. Пока она шла, никто не осмеливался потревожить маму – все старались ходить тихо и говорить шепотом.

В пору нашего детства новогодние праздники с елкой официально не проводились, многие елку украшали тайно. Мы же всегда отмечали Новый год весело и не слишком заботились о мерах предосторожности. Возможно, потому, что жили на отшибе. Зажигали на елке свечи, украшали красивыми игрушками. И всегда, пока стоял наш дом, этот праздник родственники старались встретить у нас. Неизменными оставались мамины пироги, большой самовар на столе, а потом выход «под спичку»: так называлась знаменитая на весь Петрозаводск горка на улице Вольной, на которой когда-то была спичечная фабрика.

В 40-м году бурю восторгов вызвал мой новогодний сюрприз – новенький патефон, которым меня премировали за хорошие результаты в стрелковых соревнованиях на спартакиаде в Москве. «Патефонный» период жизни нашего дома был, наверное, самым романтическим и самым коротким... Не ведая о близкой беде: бомбежках, эвакуации, разлуке, лишениях, – мы с наслаждением слушали патефонные пластинки с оперой «Евгений Онегин», с романсами в исполнении Козина, Лемешева, Лещенко, Шульженко... Под патефон учились танцевать вальсы, танго, фокстроты. Мальчики приглашали девочек. Сердце громко и радостно стучало от мечтаний.

В то же время молодежь призывали «Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов!». Впервые восьмиклассницей я взяла в руки винтовку. Стала упорно тренироваться. Руководил нашей секцией военрук, бывший офицер царской армии Алексей Шайжин. Занималась в Осоавиахиме, в школе вела стрелковый кружок. Скоро наша школьная команда получила право выступить на первенстве России. Соревнования проводились в июле 1939 года на стрельбище Центральной стрелково-снайперской школы под Москвой. В стрельбе на пятьдесят метров петрозаводская команда заняла второе место, уступив московской лишь два очка. И не передать моего счастья, когда узнала, что с результатом 189 очков из 200 возможных я победила и стала чемпионкой РСФСР.

Потом учила стрелять будущих ополченцев... Все мальчики из нашего класса ушли на фронт. Я тоже просилась. Но в райкоме комсомола мне поручили обучать стрельбе из мелкокалиберной винтовки.

Окончив школу, поступила в Петрозаводский педагогический институт. Мечтала стать учительницей, как мама. Но война нарушила мечты. В госпитале ухаживала за ранеными. В Петрозаводске началась эвакуация. Так наша семья оказалась в деревне Артюшино Вологодской области. В Артюшине работала физруком в школе, вместе с учителями выезжала не заготовку дров, трудилась на колхозных полях. И все же поступила в Вологодский педагогический институт, хотя и уставала, и недосыпала, и времени было в обрез. Да что говорить: шла война!

Нашей семье повезло. После освобождения Петрозаводска мы вернулись в свой дом. И я наконец перевелась, куда и мечтала, – в Ленинградский педагогический институт имени Герцена. После преподавала физику и математику во второй мужской школе, находившейся на Перевалке. Только представьте себе: перед сорока пятью сорванцами стояла молоденькая учительница с косичками. Разве ее будут слушать?

Как-то возвращалась с тренировки из тира: в руках – мелкокалиберная винтовка, рядом со мной – тренер Владимир Федорович Киселев, потом известный в Карелии мастер спорта по стрельбе. А навстречу – мои ученики. Увидев меня с винтовкой, встали как вкопанные: «Вы стрелять умеете?»

С этого момента на моих уроках стояла тишина, как перед ответственным выстрелом.

Наш дом над обрывом скрасил жизнь и моего первого в учительской биографии послевоенного класса. Вкус пирогов, испеченных моей мамой, наверное, на всю жизнь запомнился моим не избалованным яствами ученикам.

Почти все мое время доставалось школе. И не хватало моего материнского внимания сыну и дочери. Выручали мама и муж. Все заботы: о дровах, печке, готовке, уборке – ложились на их плечи. Когда я поздно возвращалась из школы, мой муж, дирижер военного оркестра, шутил: «Ну, что, уложила школьного сторожа спать?»

Дорогой наш старый дом! Моя семья покидала его в начале восьмидесятых годов. Незадолго до этого мы выносили из дома маму...

Давно живем в благоустроенных квартирах, как говорится, своими домами. Давно уже не собираемся в саду за покрытым клеенкой столом с самоваром в центре и горками маминых пирожков. Не ходим «под спичку» в Новый год. Не устраиваем кукольных представлений, не танцуем под патефон, не играем в лапту, не собираемся вместе на трамплине, чтобы поболеть за новую спортивную звезду, какой в нашей юности был мастер прыжков с трамплина Борис Носов, не провожаем друг друга на соревнования, – это и многое другое осталось только в памяти.

Но некоторые традиции нашего старого дома сохранить удалось. Например, ни один общий семейный праздник не похож на другой, всегда готовятся сюрпризы, никогда не бывает скучно ни взрослым, ни детям.

Инна Иохвидович «Герасим»

– «...Охотно воспринимает и распространяет среди учащихся западные виды причесок и нарядов...» – вслух, удивленно побряхтывая, читал директор школы, добродушный на вид толстяк.

Оторвавшись от чтения характеристики, он строго посмотрел на меня из-под очков и продолжил: «...Бесконечно лжива, может притвориться заплаканной, больной...» Тут он не удержался:

– С такой характеристикой, девочка, тебе не в другую школу переводиться, а прямым ходом – в колонию.

Дело было в начале шестидесятых, и в этой харьковской школе, как, впрочем, и в тех, где я побывала прежде, меня не брали в восьмой класс. И все из-за треклятой характеристики, которую написал мне классный руководитель по прозвищу «Герасим», то есть Александр Герасимович Громов, даже ничего в нашем классе не преподававший, просто посередине года назначенный нашим классным руководителем. В ней, в характеристике, вроде бы все и правильно было написано, а на самом деле было чистойшей неправдой!

«Наряды»? Просто в какой-то из жарких дней мая, когда мне вдруг стало невозможно ходить в темно-коричневой форме, под черный передник я надела темно-синюю кофточку с рукавами до локтей да перелицованную из маминой серую юбку. «Западные виды причесок»? Собрала волосы на затылке и перетянула резинкой – получился так называемый «конский хвост».

Тогда «Герасим» и поднял скандал... Результатом стало мое исключение из школы на три дня. Именно этот случай он и описал в характеристике как: «охотно воспринимает и распространяет...» Последнее меня возмущало особенно: что и кому я «распространяла»? А?

Да, было, удрала с уроков, а вместо покаянных слез, которые никак не хотели из глаз выдавливаться, в «уборной для девочек» нажала себе в глаза воды... Так что же, уж и «...бесконечно лжива»? И за это характеристика – «волчий билет», как выразился завуч одной из не принявших меня школ.

Почему-то сердиться на классного руководителя, высокого, с темным лицом и сверкающими глазами, я не могла. Мне было просто обидно: за что?!

Он ведь как только пришел, сразу и выделил меня из всего класса. Сначала я думала, что это из-за сложной фамилии. Он, бывало, любил произносить ее на разные лады, да всё почему-то неправильно, так что класс со смеху подыхал. Раз он договорился до того, что назвал меня Инной Эйзенхауэр! Смеялся не только весь класс, но и он сам, не до смеху было только мне одной.

Вот так любил он поизгаляться надо мной, и во мне поселился страх перед ним: мне казалось, что он следит за мною, все чудилась его высокая фигура в подворотнях да проходных дворах...

Однажды погожим деньком после школы заболтались мы с одноклассницами, стоя на углу улиц Пушкинской и Красина, у самого большого в Харькове пятидесятых годов «Гастронома». Мы громко разговаривали, размахивая портфелями, чему-то смеялись, словно в рот нам смешинка попала... Как внезапно появился он, «Герасим». Смех комом застрял у меня в горле, так что я не могла и вздохнуть...

– Чему это ты так смеялась, Инна Иохвидович? – Он навис надо мной, сверкая глазами.

А я ничего не могла ответить.

– И почему это вы тут группкой во главе с Инной Иохвидович стоите здесь, на углу? Кого ожидаете, куда собрались отправиться? – сыпал он вопросами.

– Александр Герасимович! – наконец-то продохнув, смогла произнести я. – Мы никуда не собирались идти и ничего не собирались делать!

Собрав все силы, я посмотрела ему в лицо и заметила то ли слюну, то ли пену в уголках губ.

– А я думаю, что ты что-то скрываешь!

И он прочел нам получасовую нотацию-лекцию о «Голубой лошади» – недавно разоблаченной в городе молодежной организации стилиг, которых отправили перевоспитываться в армию, в колонии, на какой-то «101-й километр»...

Волна его истерической ненависти накатилась на меня, вызвав головокружение и дурноту, и я медленно осела на тротуар. Только когда вокруг нас стала собираться толпа, он быстро ушел прочь.

Нервная болезнь стала моим спасением. Я просто сбежала в нее, спряталась от своих страхов и «Герасима»... В школу я не уже вернулась, от экзаменов меня освободили тоже... «Герасим» обыграл и это в характеристике: «Болезнь симулировала!»

Меня все же взяли в школу, где учительствовала моя тетка – папина сестра.

Высокий старик стоял у ворот «Сабурки» – Харьковской городской психиатрической больницы, бывшей «Сабуровой дачи». Он стоял там целыми днями, пропуская посетителей и безмолвно взимая с них дань. Ему и давали: кто мелочь, кто продуктами, кто-то ничего не давал, но таких было немного.

В середине девяностых частенько в «Сабурку» ходила и я, посещая больного брата подруги, укатившей в Питер. Несчастному нужны были то сигареты, а то и просто буханка хлеба – кормили «психов» во времена постсоветской разрухи совсем плохо. Приходилось ходить регулярно: если я вдруг не могла почему-то прийти, то парень просил у родственников других больных, а санитары избивали его за попрошайничество.

Но когда приходилось проходить мимо торчавшей у входа долговязой молчаливой фигуры, я в лицо ему не смотрела, но у меня неизвестно отчего начинался озноб, словно сквозняк пробирал.

Однажды, когда опускала в его грязную ладонь небольшую купюру, то расслышала даже не шепот, а будто некое шелестенье: «Мало даешь, Эйзенхауэр!» Я глянула в его темное лицо, как и некогда, искаженное ненавистью, и тут же подумалось мне, почему это так случилось в моей жизни, что все мои «гонители» были, как на подбор, темны лицом. Я ничего не ответила человеку с запекшейся слюной в уголках губ. Да во мне ничего и не дрогнуло. Страх умер...

Татьяна Жданова Любимая школа

Нашу школу № 387 в Сокольниках на Майском просеке построили в 1955 году специально для детишек нашего поколения – послевоенных мальчиков и девочек, хотя там учились и ребята постарше. В школе моя учеба всегда шла успешно, меня часто хвалили и ставили в пример другим – то есть лили елей на мою тщеславную душу. Меня там любили и уважали, что мне было крайне необходимо. Я могу без конца петь оды своей дорогой и любимой классной руководительнице Светлане Алексеевне Николаевой. Что бы я делала без ее любви и сочувствия? Как бы я училась? Для меня было очень важно чувствовать особое ее отношение ко мне, хотя наша Света ужасно педагогично старалась не показывать своих пристрастий. Но я – маленькая нахалка – знала, всегда знала, что занимаю в ее сердце какое-то исключительное место. Правда, в этом не было ничего удивительного: сначала Светлана Алексеевна влюбилась в мой табель с круглыми пятерками, а потом, наверное, не могла не полюбить девочку, которая всегда тянула руку вверх, желая ответить на все вопросы, и если ее спрашивали, всегда отвечала ясно, полно, по существу дела. (Я теперь сама преподаю и люблю таких учеников, которые рвут у тебя подметки на ходу, да только они редко встречаются.) Кроме того, наши с ней интересы лежали в одной плоскости, если можно так выразиться. Думаю, если бы Светлана Алексеевна была бы математичкой, у нас не возникло бы такого душевного альянса. Именно потому, что она была преподавателем русского языка и литературы, она и нравилась мне, а я – ей. Я так любила ее уроки русского языка, так старалась все понять и во все вникнуть, что она не могла этого не оценить. Я вообще была очень благодарной ученицей, но для меня не было большего удовольствия, чем выйти к доске, звонко отрапортовать какое-нибудь правило, привести интересные примеры или грамотно написать предложение на доске и объяснить, почему такое-то слово пишется так, а не иначе. Я испытывала чувство высокого торжества, когда Светлана Алексеевна выводила в журнале и в моем дневнике привычные мне пятерки. Лишь раз или два у меня возникли со Светланой Алексеевной маленькие недоразумения, и я до сих пор их помню. Один раз нам надо было выучить стихотворение Алексея Кольцова «Косарь». Оно, как известно, написано белым стихом, без рифмы, а я была к этому непривычна, и оно мне не нравилось. Я его выучила, конечно, но когда мне пришлось его декламировать перед всем классом, я прочитала его без выражения, и Светлана Алексеевна поставила мне тройку. Если бы она знала, что мать меня поколотит за эту тройку, она бы мне ее никогда не поставила. Но меня больше задело то, что Светлана Алексеевна не поняла, почему я плохо прочитала это стихотворение; кстати, Ромка Жернов тоже схлопотал за него тройку, но ни капельки не расстроился. Мне кажется, мы были слишком маленькими и глупыми, чтобы почувствовать красоту этих строк:

Раззудись, плечо, размахнись, рука,
Ты пахни в лицо, ветер с полудня!
Освежи, взволнуй степь просторную.
Упади, трава подкошенная,
Поклонись, цветы, головой земле!

Это случилось, когда я училась в третьем классе. Второй случай произошел, когда я училась уже, наверное, в пятом. Светлана Алексеевна задала нам выучить стихотворение Лермонтова «Бородино», которое мне как раз очень нравилось. Я прочитала его, что называется, на «пять», но Светлана Алексеевна сказала, что я читала невыразительно, и поставила

мне четверку. Наверное, я просто очень торопилась, когда читала. Но я опять обиделась и опять запомнила. А так мы всегда существовали с ней душа в душу.

Мы всегда пристально наблюдали за тем, как и во что одевается наша дорогая Светлана Алексеевна. У нас даже существовали особые приметы: если Светлана Алексеевна приходила в темно-вишневом платье с отделкой из машинной вышивки, значит, настроение у нее доброе; если в светло-сером костюме – стало быть, сегодня будет строжить. Вообще набор туалетов у наших учителей был минимальным, и мы все их наряды знали наизусть. Но вот однажды Света пришла в школу в черном пиджаке (никогда прежде и никогда потом мы ее в нем не видели). Ну, чернее дня у нас не было! Что такое у нее произошло накануне, мы так никогда и не узнали, но не дай бог пережить еще один такой день. Мало того, что она наставила кучу двоек и троек по разным предметам – ведь она вела у нас и русский, и арифметику, и чтение, и труд, и рисование, и физкультуру – кончился этот знаменательный день тем, что на последнем уроке (русского языка) она сломала указку о парту, на которой сидели две наши непроходимые троечницы – Шура Беднова и Зинка Бокарева, – до того они достали ее своей дуростью. Накричавшись на них, Светлана Алексеевна сказала: «Танечка, выйди к доске, хоть ты меня порадуешь». И я гордо-прегордо вышла и ответила все, как полагается. Весь класс взирал на меня с надеждой, а Светлана Алексеевна – и впрямь с благодарностью. И это я запомнила на всю жизнь.

Я помню нашу Светлану Алексеевну в черном трикотажном спортивном костюме, пряменькую, стройную, когда она проводила у нас уроки физкультуры. Мы занимались с ней не в спортивном зале, а в рекреации на пятом этаже, где и находилась наша классная комната. Во втором классе мы учились в первую смену, и наша классная комната была на втором этаже. Рядом с нами располагался второй «А», которым руководила Людмила Николаевна, самая близкая подруга нашей Светланы Алексеевны. Они вместе закончили педучилище и вместе поступили на работу в нашу школу. В этом классе учились две очаровательные пискли – Ирочка Героева и Леночка Баранова. Время от времени одна из них стучалась к нам в дверь и тоненьким-претоненьким голоском произносила: «Светлана Алексеевна, Людмила Николаевна просила взять у вас кусочек мела», – и при этом заливалась очаровательным румянцем – от смущения. Я бешено ревновала нашу Свету к этим противным очаровашкам. Зачем она им улыбается? Ходят тут всякие... Я нахально считала, что все улыбки нашей Светы должны принадлежать мне, а еще, может быть, Валерику Никитенкову, ну и Люде Кривич с Аллой Некрашевич. А всяким там героевым и барановым пусть их Людмила Николаевна улыбается. Подумаешь, воображалы!

Мне повезло и не повезло с моей школой. Повезло во многом: это была очень порядочная школа, где работали очень порядочные люди, отличные педагоги и учителя, где была очень требовательная и строгая директриса, которая всегда ставила превыше всего благо своих учеников. Наш директор Екатерина Андреевна Жердина, или Екатерина Вторая, как ее называли за глаза, сумела сразу же собрать очень хороший преподавательский состав. Жила она прямо в здании школы, где у нее была отдельная квартира с отдельным входом. Семьи у нее не было, все свои силы она отдавала школе. Несмотря на то что наша школа была совсем новой, мы очень быстро обросли хорошими традициями, присущими старым школам со стабильным педагогическим коллективом.

Мне кажется, в нашей школе не было того, что называется текучкой кадров. Очень многие учителя, пришедшие в нашу школу в 1955 году, когда она только открылась, проработали в ней до тех пор, пока она не закрылась – из-за отсутствия учеников. Это произошло, когда уже наши дети практически выросли. Следовательно, и мы знали тех учителей, которым предстояло нас учить, и они знали нас еще до того, как мы начали у них учиться.

Каждое утро, когда мы приходили в школу, нас встречала Екатерина Андреевна. Обычно она стояла на лестничной площадке справа от раздевалки. Мы здоровались с нею,

а она следила за тем, как мы раздеваемся и проходим к площадке слева, где у входа на лестницу, у самых дверей стояли двое дежурных и проверяли, есть ли у нас дневники. Если дневника не было, ученика заворачивали обратно – беги домой за дневником. Что было делать? С одной стороны дежурные не пускают, с другой – директриса стоит. Мимо нее не проскочишь, обязательно спросит, почему пытаешься пройти не с того хода. Мало того, еще у видит на тебе капроновые чулки или косу, прикрепленную шпильками на затылке, а не ленточками, – все, привет! – будет тебе проработка. Пока мы были маленькими, нас это не касалось, а когда подросли, столкнулись со строгими понятиями нашей директрисы о том, как должны выглядеть ученики. Патлатых мальчишек не допускали к занятиям, пока не постригутся. Ни о какой косметике, кольцах, серьгах в школе мы и не помышляли. Чулки полагались если не в резиночку, то ни в коем случае и не капроновые – только фильдеперсовые или фильдекосовые, желательно без шва. Крашенные и завитые волосы не поощрялись, хотя, конечно, послушниц наголо не стригли. В общем, дисциплина в нашей школе приближалась к той, какая была в дореволюционном институте благородных девиц – ну, почти. Естественно, на переменах мы бегали по лестницам и коридорам, а мальчишки порой устраивали «кучу малу», и все вопили громкими голосами – только не при Екатерине Андреевне. Одно ее присутствие заставляло нас вести себя гораздо сдержанней – и учеников, и учителей.

Почему-то у нас было много преподавателей, имевших отчество «Андреевна» или «Андреевич». Завуча младших классов звали Анна Андреевна, одну из математичек – Лидия Андреевна, одну из историчек – Галина Андреевна, химичку – Евгения Андреевна, учителя пения – Лев Андреевич. Помимо этой мощной когорты, в школе трудилась плеяда других замечательных учителей, среди которых особенно выделялись наши преподаватели физкультуры, муж и жена – Василий Степанович и Лидия Петровна Дрючины. Не могу не скаламбурить: ох, и дрюкали они нас!

Лидия Петровна, темноволосая, черноглазая, чернобровая и краснощекая, крепко сбитая женщина, занималась с учениками младших классов. Поскольку с нами физкультурой занималась сама Светлана Алексеевна, мы с Лидией Петровной мало имели дело, но я все равно ее побаивалась. Вообще следует сказать, что преподаватели физкультуры часто бывают грубоватыми. Ну и Лидия Петровна особенно в выражениях не стеснялась, если мы делали что-то не так. Конечно, спортсменка из меня была никакая: я была маленькая, тяжелая, толстенькая, конечности коротковаты, спортивного азарта – ноль. Очень скоро – в пятом классе – мы попали в руки Василия Степановича. Такие, с позволения сказать, спортсмены, как я, были для него чистой мороккой. Но однажды и мне довелось блеснуть на спортивном небосклоне. Началась третья четверть, и мы встали на лыжи и отправились в Сокольнический парк. Там Василий Степанович и мальчишки взяли быстрый старт и развили хорошую скорость. Девочки, не торопясь, трусили вслед за ними по той же лыжне и очень скоро намного отстали от мальчиков. Почему-то лыжи они не любили, им нравилось кататься на коньках. А я, наоборот, вспомнив свое раннее лыжное детство, бодро бежала прямо след в след за мальчишками. Сердце у меня колотилось, перед глазамиплыли зеленые и красные круги, но до места сбора я добежала вместе с ними. Василий Степанович был немало удивлен, когда увидел меня среди кучи мальчишек. Разумеется, он не ожидал от меня такой прыти. И он включил меня в соревнования по лыжам между школами по городу Москве. Но тут мне не повезло: бежала я быстро, но, проезжая какую-то рытвину, упала. Пока я выбиралась из нее, потеряла много времени. На том моя спортивная карьера и закончилась. Когда мы учились уже в шестом классе, к нам пришел новый учитель физкультуры Леонид Михайлович Федоров. «Ленька», как мы его нахально между собой называли, стал теперь заниматься с девочками, а «Васька» забрал себе мальчиков. Они оба были очень хорошими преподавателями, но физкультуру я никогда не любила, как и точные науки.

Мне не повезло с моей школой именно потому, что у нас были такие замечательные преподаватели физкультуры. Они сумели так заинтересовать ребят спортом, преимущественно легкой атлетикой, что физкультура стала чуть не главным предметом в нашей школе. Хороших спортсменов поощряли, им прощали промахи по другим предметам, их отпускали с занятий на сборы и соревнования. В школе постоянно работали секции по легкой атлетике, и вся школа знала наших чемпионов в беге, прыжках, толкании ядра и метании копья. Конечно, грех был не заниматься спортом в наших Сокольниках, где нельзя плюнуть, чтобы не попасть в стадион. На небольшом пространстве рядом с нашей школой размещались целых три стадиона. Зимой там устраивались катки, а уж на лыжах можно было бегать где угодно. Но меня это все не вдохновляло. Я никогда не была особенно подвижным ребенком. Я всегда была «книжной девочкой». Моей самой сладостной мечтой было сидеть в комнате, подобной шатру, затянутой голубым атласом, на низком диване с подушками, под лампой с красным абажуром и читать «Три мушкетера», а на полу чтобы лежала груда апельсинов. Какие уж тут прыжки в длину и высоту!

Наша школа, не имевшая официального статуса спортивной, постепенно превратилась именно в спортивную. А мне хотелось совсем иного: литературного или театрального кружка, углубленного изучения иностранного языка или даже двух. Но у нас это как-то не приживалось: уж очень сильна была спортивная струя. Однажды объявилась у нас одна дама, предложила заниматься художественным чтением и сказала, что знает наизусть всего «Евгения Онегина». Я страшно загорелась этой идеей и тоже решила выучить «Евгения Онегина» наизусть. Однако эта женщина больше не появилась у нас, и никакого кружка не образовалось. Я же фанатично зубрила «Онегина» главу за главой и успела выучить целых шесть глав, потом мне надоело.

Кого и что я любила в школе? Ну, конечно, Светлану Алексеевну и многих из наших мальчиков и девочек, хотя в начальных классах у меня ни одной близкой подружки среди одноклассниц не было. Мне нравилась Люда Кривич, наша староста, нравилась Алла Некрашевич, добрая и милая девочка, мы немного дружили с Таней Сосновиковой, с которой я сидела за одной партой. Мне хотелось быть такой же аккуратной, как Наташа Анисенкова, и иметь такой же красивый почерк, как у нее. Из наших мальчиков мне нравился темноглазый, смуглый и хорошенький Володя Балабан и русский, сероглазый, тоже хорошенький Сережа Трофимов. С Сережей я одно время сидела на одной парте, но он постоянно был погружен в созерцание своих собственных ногтей. Мне кажется, я их до сих пор помню и слышу голос Светланы Алексеевны: «Сережа, перестань рассматривать свои ногти! Лучше ответь на мой вопрос». И Сережа, и Володя учились так себе, а вот Валерик Никитенков – это была звезда. Тоненький, высокенький, не такой красавчик, как эти двое, Валерик был способнее, наверное, всех наших мальчиков, вместе взятых.

Из своих школьных подружек я могу, пожалуй, первой назвать Надюшку Ахметову. Мы с ней были почти одного роста, только Надюшка была постройнее. Училась она неплохо, но звезд с неба не хватало. Благодаря своему звонкому голосу Надюшка часто читала стихи на наших утренниках. Я отчетливо помню, как она, в белом фартуке, с огромными белыми бантами в косичках, первой начинает читать наш монтаж, посвященный Международному женскому дню 8 Марта. В пятом классе к нам пришла новая девочка. Звали ее Надя Лексикова. Вот это была подруга для меня! Умненькая, начитанная, аккуратная и, конечно же, отличница. Внешне мы были полной противоположностью друг другу. Надя была тоненькой, выше меня ростом, ее легкие русые волосы были подстрижены, глаза у нее были голубые с почти незаметными светлыми бровками и ресницами. Я же была вся темная: глаза, волосы, брови и ресницы были темными, а кожа – смуглой. Надя была тоненькой и легенькой, я – приземистой и тяжеловатой. Это была уже третья Надя на моем жизненном пути, и мы почти сразу понравились друг другу. Господи, как же мне было хорошо с ней дружить!

Надя была дочерью врачей, ее отец был военным врачом, мама – обычным, гражданским. Нам с Надей было очень интересно друг с другом. Мне давно нужна была такая подруга, и я искала ее. Я всегда была настроена на эту волну поиска друзей – тех, которые были бы мне под стать. К сожалению, мне постоянно как-то не везло. И Валерик Никитенков рано ушел из нашей школы, и Надя Лексикова проучилась у нас только один год. Ее родители получили новую квартиру, и Надя перешла в другую школу.

В Наде Лексиковой я нашла то, что безотчетно искала в других ровесниках: ум, начитанность, интеллигентность, воспитанность. Всю жизнь я благодарна ей за то, что она первая познакомила меня с книгой Александры Яковлевны Бруштейн «Дорога уходит в даль...» Я просто помешалась на этой книжке: я читала ее днем и ночью, во сне и наяву, сидя, лежа и на ходу. Мы с Надей дружно обсуждали и книжки, и все наши школьные события, и одноклассников, и учителей. Ни с кем мне не было так интересно, как с ней, а вот Светлана Алексеевна хотела нас разлучить. Надя, как и Валерик, всегда вела себя спокойно и очень независимо, потому что она была уверена в себе. Однажды Светлана Алексеевна дала нам такое задание: подготовить небольшие доклады по книжке, посвященной правилам поведения. Я хорошо знала эту книжицу: в ней очень доступно и наглядно объяснялось, почему надо снимать перчатку, когда протягиваешь кому-нибудь руку для рукопожатия, почему надо иметь свою собственную зубную щетку и расческу, почему военные должны идти справа от спутницы, а гражданские слева. Много полезных сведений и советов было в этой книжке. Дело в том, что она была тоже у тети на детскосадской полочке, и летом я ее читала и перечитывала с превеликим удовольствием. Не знаю, хороший ли доклад получился у меня, но я помню, как говорила Надя: спокойно, разумно, не торопясь и не повторяясь. Конечно, нам обеим Света поставила по пятерке.

В пятом классе нам впервые разные предметы стали преподавать разные учителя. Мы выпорхнули из-под теплого крылышка нашей Светланы Алексеевны, и теперь она преподавала нам только русский язык и литературу, хотя и оставалась нашим классным руководителем.

У нас были очень хорошие учителя – знающие, добросовестные, настоящие педагоги. Они изо всех сил старались передать нам свои знания, а чего им это стоило – один Бог ведает. Нас по-прежнему было свыше тридцати – тридцати пяти учеников в классе, и как наши учителя справлялись с нами – ума не приложу. Правда, мы своих учителей уважали. Первой моей математичкой была Нина Ивановна Воложенина, на вид очень простая русская женщина лет сорока пяти – пятидесяти, невысокого роста, полноватая, темноволосая, гладко причесанная, с ярко-синими глазами и добрым лицом. Я помню ее в неизменной темно-зеленой вязаной кофте, темной юбке и туфлях на низком каблуке. Единственно, что она себе позволяла, – это красить губы довольно яркой помадой. Нина Ивановна была строгой и требовательной, и мы ее побаивались, хотя и чувствовали, что она совсем не злая. Однажды я ощутила это особенно ясно. На перемене мы затеяли возню с кем-то из мальчишек, не помню точно с кем. Он лупил меня по голове учебником алгебры, а я сопротивлялась и старалась вырвать учебник у него из рук. Это один из видов школьного флирта: еще в младших классах Сережка Семенов на переменках постоянно вцеплялся в косы Люде Кривич, которые она укладывала корзиночкой на затылке, а она смеялась и отбивалась, как могла, но не жаловалась. И всем было понятно, что это он от любви. Так вот, увидев эту почти любовную сцену, Нина Ивановна посмотрела на меня, погрозила мне пальцем, вздохнула и сказала: «Ну, девка! Ну, зелье, ох, зелье!» И она так это сказала и так потом улыбнулась, что я поняла: ничего она на нас не сердится, ей только смешно, и она нас любит.

Физику (уже в шестом классе) нам преподавала Лидия Андреевна Орешина, худая, нервная женщина со строгим лицом, в очках. Она очень строжила нас и даже довольно часто на нас кричала. От нее мы слышали, что мы не просто бегаем, а «носимся колбасой по

коридору», и что мы должны знать материал так, чтобы «от зубов отлетало». Учила нас она на совесть и была всегда справедлива.

Замечательная была у нас преподавательница истории Ольга Николаевна Воронцова. Высокая, полная, с некрасивым, но очень добрым лицом. Она тоже носила очки и взирала на нас сквозь них с бесконечной снисходительностью. Мы были таким горохом по сравнению с ней! Когда она объясняла нам очередной урок, я так впивалась взглядом в ее лицо и фигуру на фоне светлого окна, что, отведя взгляд, видела ее светлый силуэт на темном фоне – у меня получался негатив. Историю древнего мира и средних веков я любила и любила Ольгу Николаевну. Всяких богов и героев, королей и королев я высыпала перед ней прямо с ходу. Но когда в старших классах мы начали изучать всякие там революции и партийные съезды, я разлюбила историю, сама не понимая почему. Да и сама Ольга Николаевна к этому времени стала более нервной и раздражительной, и она стала чаще болеть. Но мы все равно ее очень любили, а она нас.

И конечно же, мне совершенно необходимо спеть гимн в честь нашей англичанки Лилии Ефимовны Левиной. Подозреваю, она была такая интересная, такая стройная, такая красивая, что ее так и хотелось назвать именем какого-нибудь цветка. У Лилии Ефимовны были хороший рост и хорошая фигура, стройные ноги, темные кудрявые волосы, карие огненные глаза, тонкие черные брови, чудесный румянец и полные яркие губы, обычно плотно сжатые, что придавало некое сумрачное выражение ее лицу. Она редко улыбалась, но, если вдруг ей случалось улыбнуться, ее губы распускались, словно бутон, и можно было увидеть ее прекрасные зубы. Но самое главное, при улыбке ее лицо теряло свою сумрачность и становилось одновременно и счастливым, и смущенным, будто она стыдилась своей радости. Наверное, так могла бы улыбаться царица Несмеяна.

А какая она была преподавательница? Вот такая: она была вполне традиционной преподавательницей, которая честно делала все так, как ее учили в институте. И она делала все правильно: кто хотел получить у нее знания, тот получал, в тех пределах, разумеется, какие предусматривала школьная программа. И знания эти были базовыми, очень твердыми, на этом фундаменте потом можно было строить все что угодно. К сожалению, ничего сверх этого дать нам Лилия Ефимовна была просто не в состоянии. Никакого деления на группы – сильную, слабую, среднюю – у нас не было, мы и слыхом о таком не слыхали. В классе сорок человек – вот все сорок и повторяют весь урок «эй, би, си, ди». И так вплоть до окончания школы. Наши двоечники до самого выпуска не могли освоить того, что я давным-давно делала левой пяткой. Однако Лилия Ефимовна была обязана возиться с ними, чтобы они проквакали что-нибудь хоть на троечку, а вот времени на развитие способностей хороших учеников у нее не было. И при всем при этом весь свой первый семестр в институте я проехала на старых школьных знаниях. Так что честь и хвала нашей Лилии Ефимовне и старым традиционным методам обучения!

Как правило, все преподаватели иностранных языков немного отличались своим внешним видом от остальных наших учительниц – кроме немок, пожалуй. Лилия Ефимовна блестяще подтверждала это правило. Она не одевалась роскошно, нет, но она одевалась чуточку элегантнее, чем другие наши учительницы. Там вышитый бисером воротничок черной блузки, здесь зауженная к низу юбка с разрезом, тут жакет цвета брусники – все, ничего больше, но уже что-то особенное, не похожее на остальных. Да и в ее поведении всегда чувствовалась какая-то особая свобода и независимость, словно какие-то обязательные рамки были для нее необязательными. Откуда у нас возникало это ощущение, трудно сказать, но оно было. Проявлялось это в каких-то мелочах. Например, Лилия Ефимовна чаще сидела не за учительским столом, а на первой парте, на свободном месте, если оно было, лицом к классу. Первые парты были очень низкими, а она сидела, положив ногу на ногу, так что нам были видны края ее чулок и даже часть обнаженной ноги. Она прекрасно это понимала, но

по всему ее поведению было ясно, что ее это совершенно не смущает. Ей было так удобно, и все тут.

Был еще такой случай. Я училась уже классе в десятом, и у меня не было ничего, кроме школьной формы, одного свитера и домашнего халата. Я носила черные чулки, на другие у меня денег не было. Никто особенно на мои чулки внимания не обращал, хотя в то время их почти не носили. Однажды я попала на глаза Лидии Петровне, нашей физкультурнице. Она начала стыдить меня, говоря, что в черных чулках ходят одни проститутки. Я стояла красная от стыда и чуть не плакала. Мимо проходила Лилия Ефимовна. Она заметила мое состояние и спросила, в чем дело. Лидия Петровна продолжала распекать меня. Лилия Ефимовна послушала ее малость и вдруг решительно вступилась за меня, сказав, что ничего ужасного в черных чулках нет и что они ровным счетом ничего не означают. Лидия Петровна поумерила свой пыл и быстро ретировалась. Тогда Лилия Ефимовна чуть ли не подмигнула мне и сказала: «Носи что хочешь. Ничего плохого в этом нет».

А еще я помню один случай, который до сих пор греет мне душу, как, впрочем, и описанный выше. Наш Толька Дорженок, хамоватый парень, у которого в башке были одни хоккейные шайбы, как-то раз нагрубил Лилии Ефимовне. Она тут же приказала ему выйти за дверь и вышла вслед за ним, держа в руке учебник. И тут же мы услышали отчетливые звуки, похожие на хлопки: это Лилия Ефимовна отходила Тольку по морде английским учебником. Затем они оба вернулись в класс. И ничего: урок продолжался, Толька сидел, как умытый. И никому он не пожаловался, и никаких санкций не последовало.

Ботанику у нас вела Полина Ивановна Тарба – милая, добрая, хорошенькая молодая женщина. Сначала она вела параллельный класс «Г» и приятельствовала с нашей Светланой Алексеевной и с Людмилой Николаевной, хотя была старше их на восемь-девять лет. С пятого класса она стала преподавать нам ботанику, а потом – географию. Она же была моей классной руководительницей с девятого по одиннадцатый класс. Полина Ивановна была всегда намного мягче нашей Светы, и мы частенько пользовались ее добротой.

Владимир Васильевич Максимов, колоритная личность, вел у нас физику в седьмом, восьмом и девятом классе. Такого второго физика нет и не было. Он умел потрясающе объяснять и потрясающе спрашивать. Я никогда не скучала на его уроках, хотя физика совсем не была моим любимым предметом. Я не понимаю, почему другие преподаватели не перенимали у него его метод преподавания. Его объяснения были всегда интересными и понятными, образными и наглядными. Он сам неплохо рисовал и прямо на доске изображал схемы и приборы, а также очень красиво писал заголовки. Он требовал, чтобы мы вели тетради по физике с цветными рисунками, и ставил за тетради отдельные отметки в журнал. За урок он успевал опросить полкласса и всем поставить оценки. Делал он это очень просто: к доске, разделенной мелом на три части, он вызывал сразу троих учеников и давал им задания, которые они выполняли на этой доске. Два первых длинных стола в кабинете физики он просил не занимать, так как он сажал туда шесть учеников, которые выполняли письменные задания по бумажкам из спецзапасов Владимира Васильевича. Пока эти девять учеников занимались своим делом, Владимир Васильевич вызывал еще одного-двоих для устного ответа. Итого, уже 10–11 человек оказывались опрошенными. После этого Владимир Васильевич начинал задавать вопросы классу и тем, кто принимал активное участие в опросе, тоже ставил оценки. Все мы знали, что к доске он вызывает учеников через три урока на четвертый, и готовились к этому, но, если очень хотели, могли заработать хорошие оценки во время таких опросов. Короче говоря, Владимир Васильевич был асом в своем деле. Правда, пару раз он пришел на урок слегка «подшофе». Помню, в один из таких разов он уселся на стул прямо перед классом, а не на кафедре, и сидел там, немного развалясь, в то время как Витька Абрамов, заикаясь и спотыкаясь, плел ему что-то про точку кипения или замерзания. Владимир Васильевич покачивал головой, а потом вдруг сказал: «Что это ты такое мне сочиня-

ешь? Какой там минус? Откуда минус?» Витька оторопел, но нашел силы возразить: «Я же про замерзание рассказываю, а не про кипение!» Владимир Васильевич повернулся к нам, подмигнул и сказал лукаво: «Смотри-ка ты, знает!» Мы чуть не померли со смеху. После этого он пошел к доске, но по дороге споткнулся. Мы еще больше развеселились. Владимир Васильевич царственным движением руки сместил Витьку и сказал: «А теперь – новая тема. Заг-ик! – головок». И своим очень красивым почерком вывел название темы.

Конечно, его уровень преподавания был намного выше обычного школьного. Ему давно следовало преподавать в высшем учебном заведении, вот он и ушел от нас преподавать в какой-то институт. Мы все ужасно жалели об этом.

Вместо Владимира Васильевича к нам пришел довольно пожилой мужчина, которого звали Иван Васильевич Трошин. Он велел нам запомнить его инициалы по формуле IVT (кажется, формула силы). Иван Васильевич был неплохим преподавателем, но у него вскоре обнаружилась слабость, и звали эту слабость Таня Мазина. Она решительно ничем не выделялась – ни умом, ни способностями, ни внешностью. В то время я никак не могла понять, что наш новый физик нашел в Таньке, но сейчас думаю, что она, несмотря на всю свою невзрачность, была очень сексапильна и сама хорошо это ощущала. Иван Васильевич обладал своеобразным чувством юмора и умел одной-двумя фразами довести ученика до бешенства. Например, он мог неожиданно прервать свои объяснения и спросить у нашего Вадика Сушкова, вечного двоечника и хулигана, самым ласковым и вкрадчивым тоном: «Сушков, скажи мне, пожалуйста, почему ты такой злодей?» Сусик тут же взвизывался: «Злодей, злодей, чего злодей?!» – «Разве ты не злодей? А зачем ты тогда дерматин от стола отрываешь и в карманы прячешь?» Весь класс просто взрывался от хохота, а Сусик, весь багровый от злости, сидел, упершись взглядом в испорченный им стол, и втихаря посылал Ивана Васильевича ко всем чертям.

Наша единственная химичка Евгения Андреевна, которая была нашим классным руководителем в восьмом «А», преподавала нам химию все четыре года – с седьмого по одиннадцатый класс. Сама-то она свою химию знала, но объяснить нам ее не очень умела, тем не менее мы что-то знали и понимали. Мне эта химия была ни с какого боку, я ее терпеть не могла, однако моих знаний по химии до сих пор хватает для решения кроссвордов.

Сама Евгеша, как мы ее ласково называли, была женщиной доброй и к нам относилась очень по-хорошему. Правда, иногда мальчишкам доставалось от нее указкой по спине, но они не обижались на нее. Могу еще раз повторить: почему-то наши учителя нас любили, просто так, ни за что, только потому, что мы были их учениками. И Евгения Андреевна нас любила.

А еще она разрешала нам прятаться в ее кабинете или в лаборатории, если мы сбегали с уроков физкультуры. Иногда мы помогали ей мыть колбы и пробирки, иногда просто сидели, готовясь к следующему уроку.

В старших классах литературу и русский язык нам преподавала Дина Андреевна Обухова (ударение на первом слоге, о чем она сама весьма сожалела). Нрав у Дины Андреевны был далеко не слабенький, характер решительный. Все идилические поблажки и проявления самодеятельности она категорически пресекала. У нее была одна цель: подготовить нас к выпускному экзамену так, чтобы написали наши сочинения в соответствии со всеми требуемыми стандартами. Она сама составляла планы сочинений и требовала, чтобы мы писали их по ее планам. Надо сказать, что ее требования были вполне ясными и разумными. Для тех, кто просто хотел успешно преодолеть экзамен, этого было вполне достаточно, но мне в ее рамках было тесновато.

Выпускные экзамены, как и полагается, начались первого июня. Вскрыли пакеты, пришедшие из РОНО или ГОРОНО, и оказалось, что нам предлагаются такие темы: лирика

Лермонтова, образы молодежи в романе «Молодая гвардия» и какая-то свободная тема, сейчас не вспомню.

Разумеется, я выбрала лирику Лермонтова. Кроме меня, эту тему выбрали только две девочки. Большинство писали сочинение по «Молодой гвардии». Одной девочке, претендентке на золотую медаль, выбравшей свободную тему, Дина Андреевна сказала прямым текстом, что выше тройки она у нее не получит, велела отставить эту муру и писать сочинение по Фадееву. Мой выбор она одобрила.

В результате в нашем выпуске оказались две золотые медалистки (обе – дочки наших преподавателей по труду и домоводству, очень умненькие и старательные девочки) и четыре серебряных: Лена Баранова (одна из хорошеньких писклей), Лена Богатикова, очень умная и очень некрасивая девочка, которая перешла в нашу школу уже в седьмом классе, и мы с Наташей Бородиновой. Умница и аккуратистка Наташа чуть не дотянула до золотой медали: по русскому языку у нее была четверка.

Но мы не расстраивались: условия приема в институт и для золотых, и для серебряных медалистов были одинаковыми. Надо было сдать первый экзамен на пятерку, вот и все. Ну, а если на четверку и ниже, то надо было сдавать экзамен на общих основаниях.

Наконец настал этот великий день, когда нам вручили наши аттестаты зрелости, а потом начался собственно выпускной вечер. Все девочки пришли на этот вечер невообразимо красиво и нарядно одетые и причесанные, с подведенными глазками и припудренными носиками. Все они сразу стали выглядеть старше: это были уже не девочки, а вполне взрослые барышни. Все мы надели туфельки на высоких тонких каблуках, даже я. У меня были не туфли, а красивые босоножки, но они были открытыми только сзади и выглядели, как туфельки.

Конечно, это был волнующий момент, когда меня вызвали на сцену и вручили мне мой серебряный аттестат. Я была счастлива.

На наш выпускной вечер пришла и Светлана Алексеевна. Она приходила к нам и на наш «последний звонок» в конце мая. Помню, я произнесла в актовом зале небольшую речь, посвященную нашим учителям, и была ужасно рада, что Светлана Алексеевна находится среди них.

Геннадий Банников Шашки наголо!

1 сентября 1959 года очень меня огорчила первая учительница в моем первом классе средней школы села Шевченково, Звенигородского района, Черкасской области, где я потом проучился 1960–1969 годы. Я думаю, все понимают, что это должна была быть молодая, стройная, обаятельная женщина, а-ля Тамара Макарова из кинофильма про первоклассницу. И вдруг к нам выходит толстая некрасивая тетка, да еще и с именем Текля Калениковна. Пусть бы она была обыкновенной Верой Ивановной или на худой конец Параской Никаноровной! Но Текля Калениковна?! Крупными буквами передо мной тогда стоял вопрос: за что?

Всякое было между нами за время учебы, поскольку мальчик я оказался более чем живой, но особенно запомнилось вот это: «Шо тобою мордуе?» и «Кэ упэртэ!» – эти сочные украинские фразы про мое необъяснимое упрямство на русский можно перевести приблизительно так: «Что тебя так крючит?» и «Упрямый козел!» Но вы не поверите: уже учась в университете, я специально приехал к своей первой учительнице, к тому времени уже серьезно больной, чтобы поклониться ей в ноженьки. Она стояла в своем огороде с лопатой, такая же грузная, неуклюжая, как и раньше, и плакала от счастья...

К нам в село постоянно приезжали выдающиеся люди: писатели, артисты, космонавты, военачальники. Бывало, даже иностранцы заглядывали – просто как жители Марса. Одному из них я пытался подарить свою коллекцию спичечных наклеек – он растроганно сгреб меня в охапку, поцеловал. Я еле вырвался, честное слово – вот еще, телячьи нежности!

Первые классы пролетели как-то незаметно, я едва успел переключиться с собирания спичечных наклеек на более благородное филателистическое направление, а потом и нумизматическое. Все село помогало мне в этих увлечениях, в загашниках у сельчан нашлось немало этого добра. А тех, кто не хотел расставаться с накопленным, я бессовестным образом обворовывал, особенно если обладатель коллекции был младше меня. Чистая наркомания эти коллекционерские страсти. Могу вас успокоить: воровские навыки впоследствии мне развить так и не довелось.

Кажется, в третьем классе я начал курить, что было волнительно и, как говорят нынче, круто. Помните эти завораживающие названия: «Казбек», «Беломорканал», «Ароматические»? Но моему папе кто-то из добрых сельчан настучал, и он вынужден был принять меры. Папе очень не хотелось этого делать: он сам курил, как паровоз, но положение родителя обязывало. Все в итоге свелось к одной фразе: сынок, а курить-то нехорошо. Слезы градом текли по щекам, но я смог-таки выдать из себя обещание больше этого не делать. И вы знаете, я свое слово держу: до сих пор к куреву не прикасаюсь! Впрочем, выполнять это обещание мне не составляет труда – это же хоть и круто, но совершенно не вкусно!

В 1961 году в космос полетел Гагарин. Не было ни малейшего сомнения, что он мог вылететь только из нашей страны – самой лучшей на всем белом свете! Зря мы, что ли, били в барабаны и дудели в пионерские горны? Это была какая-то шальная космическая радость – совершенно незабываемая!

За годы начальной школы я наострился неплохо играть в футбол, который любил больше всего на свете, и учителя удивлялись: целыми днями и вечерами этот оболтус гоняет мяч, но на уроке спросишь – все знает! А я и не учил ничего дома. Письменные уроки выполнялись влет, пока учитель записывал задание на доске. А устные задания просто считывались из учебника на перемене перед уроком. Позже меня удивляло, что у моих детей были странные проблемы со школьной математикой.

При всей тотальной увлеченности футболом находилось время и для других занятий. У нас в школе был учитель Мыкола Пантелеймонович, он играл на скрипке и рисовал картины. Наш сельский хор доряк ему удалось вывести в народные капеллы Украины, и в школе он организовал хор мальчиков. Однажды мы вышли на сцену, где я должен был запевать один, но мой закадычный дружок Вова Тищенко тоже вдруг заголосил запев этой песни! Я стал его дергать за рукав, чтобы он заткнулся, – вы можете сейчас представить, как это смотрелось из зала. Вовка потом плакал за кулисами, а я, будучи тогда возмущенным до предела, всю оставшуюся жизнь сгораю от стыда.

На уроках пения я сидел на первой парте, и вот однажды, когда меня в ухо укусила пчела, я был особенно вертляв. Это не укрылось от внимания педагога, который, кроме скрипки, имел еще и смычок... Мое правое ухо до сих пор трепещет, как крыло мотылька. Случай со смычком меня несколько не смутил, и сейчас вы поймете почему.

Был у нас еще один учитель, Виктор, с уже знакомым вам отчеством Каленикович. Вел географию, хотя по природе своей он был кавалерист, еще с гражданской. Вместо шашки у Виктора Калениковича была буковая указка, которой он очень гордился. Дети – существа непоседливые, а на уроках Виктора Калениковича это особенно сказывалось. Учителю такое поведение класса, естественно, нравиться не могло. И тогда он выхватывал свою буковую шашку и начинал рубить направо и налево. В основном – не волнуйтесь! – мы уворачивались. И вот однажды случилось страшное: кто-то из учеников все-таки улучил момент и сломал необычайной прочности буковую указку, хотя учитель с ней не расставался, кажется, даже ночью. Лицо бывшего кавалериста даже сегодня описать невозможно. А ведь я еще раз виноват перед ним, когда отстал от автобуса в районном центре, куда мы поехали на олимпиаду по географии. Виктору Калениковичу потом за это влетело. Мне же ночью восемнадцать километров обратно пришлось идти пешком: темень была кромешная, да и дорога далеко не асфальт.

А вот сейчас вспоминаешь обо всем этом: и как мы злили учителей, и сколько они в нас умудрялись вложить, – и на душе тепло делается. Память – великая сила! Вроде как и они до сих пор там, в нашей старой сельской школе...

Нина Якимова Игрушка для зайчика

Мне было шесть (а было в, страшно подумать, – 1959-м!), когда старшие сестры впервые взяли меня с собой в школу на новогоднюю елку. Самая веселая тетенька (ею оказалась старшая пионервожатая Зоя Захаровна Елизарова) подвела меня, пушистого Зайчика, сначала к Деду Морозу, а потом, когда я очень выразительно рассказала стихотворение, – к елке и сказала: «Выбирай приз!» Мне больше всего понравилась клубничка. Игрушку сняли с ветки, и вот уже более пятидесяти лет она украшает мою новогоднюю елку, напоминая о школе.

Когда думаю о школе, как в кино мелькают кадры из прошлого: вот мы сажаем деревья, из-за которых теперь и школу не видно; а вот участники игры «Зарница» берут штурмом крепость и с криками «ура!» срывают с «противников» погоны; а это мы с Костей Елизаровым на городском смотре художественной самодеятельности исполняем «Танец петухов», сбиваемся, но публика спасает нас от провала шквалом аплодисментов...

Чего только в нашей школе ни придумывали! В год юбилея СССР – кто не знает, было это в 1967-м – каждый класс стал одной из республик Советского Союза: мы изучали национальные танцы, песни, шили костюмы, готовили национальные блюда. Я, например, до сих пор храню грамоту «Лучшей разведчице Белоруссии», честно заслуженную во время «Зарницы».

А в годовщину Октября наша пионерская дружина превратилась в революционный полк, и все отряды активно включились в борьбу за присвоение им имен Щорса, Буденного и других героев революции. Наш класс выбрал Чапаева. Тогда еще не было анекдотов про Василия Ивановича, и мы совершенно искренне стремились получить право называться чапаевцами. Для этого надо было учиться без троек и принимать активное участие в общественной жизни. Ребята изменились на глазах! Мы были единой командой, и нам не только присвоили легендарное имя, но и сделали подарок: в классе на стене художница нарисовала скачущего на коне Чапая!

Генератором всех этих грандиозных идей была неугомонная Зоя Захаровна Елизарова, старшая пионервожатая. Во многом благодаря именно ей слава о нашей школе № 27 шла «по всей Руси великой». В Серове во время демонстраций на нас ходили смотреть, как на артистов. И мы оправдывали надежды земляков: наши колонны всегда были самые стройные, оригинальные и зрелищные – результат многомесячной подготовки и совместного участия учеников и педагогов.

Большая гордость школы – музей В. И. Ленина. Его с любовью создали ребята из выпуска моей старшей сестры Лиды Якимовой. Мы пришли, как говорится, на готовое, но очень бережно относились к каждому экспонату и продолжали поиск новых, вели переписку с другими музеями. Я горжусь, что мне довелось быть экскурсоводом музея. Посетителей было много, особенно в дни проведения выборов, когда в школе открывался избирательный участок: все, кто приходил голосовать, обязательно заглядывали к нам, в Ленинский музей.

Начинаешь вспоминать и диву даешься: сколько же времени учителя проводили с нами помимо уроков! Вместе выпускали стенгазеты, ходили в походы, выезжали к подшефным. Помню, как с Розой Геннадьевной Жемалутдиновой наша агитбригада ездила в Романово: мы отвезли в интернат книги и выступили с концертом в сельском клубе. Из-за гололеда на железнодорожную станцию пришлось идти пешком. Растянулись цепочкой и шли по лесу, подшучивая друг над другом или затягивая песни. Потом проголодались, у кого-то нашлась булка хлеба, и мы передавали ее, как эстафетную палочку, из рук в руки, отламывая по

кусочку. Хлеб на морозе – вкуснотища! А потом мы ехали почему-то на платформе с углем и в город вернулись чумазые, как трубочисты. Разве такое забудешь?!

На фоне таких ярких, теплых воспоминаний сегодняшние дискуссии, чем должна заниматься школа: обучением или воспитанием, – теряют всякий смысл. В наше время об этом не спорили, все было тесно взаимосвязано. Не существовало границ между учебными занятиями и воспитательной работой.

Уроки у большинства учителей были похожи на спектакли. Та же «англичанка» Роза Геннадьевна Жемалутдинова разыгрывала с нами сценки на английском языке, мы переводили и пели модные песни популярного тогда американского певца Дина Рида, а однажды поставили спектакль на английском языке «Синдерелла» («Золушка»). У нас и костюмы были настоящие, из театра! Естественно, что язык большинство из нас знали хорошо – лично я свободно, без словаря читала «Moskow news», а позднее даже после четырехлетнего перерыва сдавала английский в университете «автоматом».

Увлекательно уводила нас в мир путешествий учитель географии Людмила Владимировна Тайболина. Рассказывала так, как будто сама побывала в каждом уголке земли.

Фундаментально преподавала историю Людмила Петровна Матафонова, все раскладывала «по полочкам» – от предпосылок того или иного исторического события до его итогов и значения.

Не могу не вспомнить замечательные уроки русского языка Веры Михайловны Константиновой, у которой правила рифмовались и легко заучивались с помощью различных карточек или игры. Именно ей я обязана грамотностью, которая сегодня многим кажется природной – ничего подобного! Основы знаний закладывает школа, и наша, 27-я, делала это на пять с плюсом.

Никто не советовал родителям нанять репетиторов, как это рекомендуется сегодня почти повсеместно; учителя сами, терпеливо и доходчиво, объясняли ребятам изучаемый материал до тех пор, пока все до единого не поймут, о чем идет речь. Как сейчас вижу: наша любимая «физичка» Нина Николаевна Видякина в сто пятый раз объясняет движение и силу тока в цепи – тщетно. В качестве последнего аргумента она проводит аналогию со зрительным залом: что, говорит, произойдет, если из кинотеатра публика будет выходить не в обе двери, а в одну? Кто-то с «камчатки» тут же обиженно выпалил: «Ну, так бы сразу и сказали!»

На химии нас ждали новые роли – например, электронов, бегающих вокруг ядра атома. Однажды Нина Григорьевна Горлаева в запале даже пуговицу оторвала от своего костюма, чтобы объяснить реакцию окисления. Зато всем стало ясно, что если пуговицу обратно пришить, произойдет реакция восстановления.

К слову, на уроке химии Нина Григорьевна могла спросить заодно правила русского языка или что-нибудь из биографии ученого. Наш директор была образцом во всем: и в преподавании предмета, и в манере общения, и во внешнем облике – высокая, красивая, одетая строго и со вкусом.

В нас воспитывали гражданственность, приучали к самостоятельности и ответственности за свои действия. Помню, когда меня выбрали секретарем комитета комсомола школы, я пошла к Нине Григорьевне и попросила комнату для ребят. Свободных помещений в здании не было, кроме... закрытого туалета на третьем этаже. Он ни разу не использовался по прямому назначению, там просто что-то хранили. К удивлению директора, я согласилась на такой вариант. Нам самим было предложено привести комнату в порядок. Сколько же субботников мы провели, чтобы убрать строительный мусор после перепланировки туалета!

Не знаю, что сейчас там находится, но при нас это было место встречи комсомольцев, где мы не только проводили заседания комитета ВЛКСМ, но и просто общались, спорили, писали сценарии вечеров, оформляли «Комсомольский прожектор», да и просто секретничали. Главное – нам было куда прийти со своими проблемами!

Нас уважали, с нами считались. И доверяли. Помню, в классе девятом, наверное, мы решили провести вечер Есенина. Попросили у Нины Григорьевны разрешения сделать это в самом уютном кабинете – биологии, утопающем в зелени. Она разрешила. Как раз был какой-то большой праздник, потому что на здании школы висел портрет Ленина, обрамленный разноцветными лампочками. Мы общий свет выключили, и получился полумрак, располагающий к откровениям. Весь вечер читали стихи, танцевали, пили чай. Никто нам не мешал, не проверял, не выпиваем ли мы там спиртное, – верили на слово.

Уверена, что у каждого нашего выпускника есть немало воспоминаний, которые до сих пор греют душу. Ведь школа для нас была вторым домом. Спасибо вам за это, дорогие учителя!

...В Новый год я опять повесила на елку любимую игрушку из далекого детства.

Людмила Соколова Не химик и не физик

Во времена моего детства не принято было говорить «элитная школа», а «лучшая в городе» – да. Такой и была моя «первая школа» – вернее, средняя школа № 1 им. Татьяны Соломахи. Это имя вряд ли что скажет современному читателю, да и в шестидесятые его знали немногие. А мы знали. Потому что Татьяна училась в нашей школе, которая раньше была женской гимназией. Потом стала революционеркой, большевичкой и была зверски замучена белогвардейцами (так, во всяком случае, было написано на памятной доске).

Но для этой истории не так уж важно, именем кого называлась моя школа, как то, где она располагалась. Толстые стены из красного кирпича, необычная (для школ) архитектура, потолки под четыре метра и высокие окна – такая в городе Армавире она была одна. И что бы там ни говорили скептики, атмосфера в нашей школе была особая – возможно, благодаря этим старым, много чего повидавшим стенам, возможно, из-за учительского коллектива, что собрал под этой крышей директор Василий Степанович Яровой. Во всяком случае, некоторые преподаватели называли нас на «вы» и почти все относились как к личностям. Хотя и доставалось порой нашему «А» классу, первому по успеваемости и далеко не первому по поведению!

В кабинете химии мы все – и отличники, и безнадёжные троечники – чувствовали себя маленькими и потерянными... А царила в этой строго организованной и четкой движущейся по своей орбите мини-вселенной химических таблиц, пробирок, колб и застывшего времени Лина Савельевна Халина. Высокая, худая, в неизменных черных костюмах с белоснежными блузами, она не кричала, не грозила нам карами небесными – только глянет на тебя пристально, сдвинув брови, и душа шлепалась прямиком в пятки.

Правда, все самое интересное, что происходило в мире, как эту химию неорганическую и органическую, которые она преподавала, можно применять в быту, почему девочкам полезно мыть пол не шваброй, а руками (а вот догадайтесь-ка!), – и прочую полезную информацию мы узнавали именно от нее.

И стишок я этот помню до сих пор:

Сера, сера – буква S,
32 – атомный вес.
Сера в воздухе горит,
Получаем ангидрид.
Ангидрид плюс вода —
Это будет кислота.

Тишина на ее у роках была!.. Скрип стула – как взрыв.

И взрывы, хоть и редко, но тоже были. Правда, слабенькие, так сказать локальные, – это уж когда совсем не то, что надо, не с тем, чем надо, сольешь. Но не это приводило ее в тихое бешенство. Человек педантичный и перфекционист (тогда мы слова этого не знали, но сейчас, вслушиваясь в его угрожающее звучание, понимаю, что это о ней, Лине Савельевне!), она любила, чтоб все было красиво, четко, по этому не дай бог тебе залить реактивами аккуратные наклейки на пробирках! Тут же в тишине раздавался ее крик:

– Этикеткой вверх!

Когда мы после выпуска собирались компанией, и кто-то из ребят начинал разливать вино, все дружно вопили:

– Этикеткой вверх!

Наливающий (ну, чтоб сказать короче!) с деланным страхом на лице нервно поворачивал бутылку этикеткой вверх, и за этим следовал всеобщий вздох и истерический хохот! Постороннему не понять, что тут такого смешного, а для нас, переживших уроки химии, это была фишка.

Но если вы решили, что наша Лина Савельевна была страшным тираном, – ошибаетесь! Мы помним ее с теплотой. Кстати, и из химии много чего.

* * *

Конечно же, прозвища у нас в классе были, и учителям мы их тоже давали. Но они не были злобными, – чаще всего от имени или от фамилии. Один учитель был «Квадратом» – потому что звали его Иван Иванович. Вот фамилия слегка подгуляла, до «Куба» не дотянула: Сидоров.

Всегда подтянутый, с серебристой седой головой, он был еще не старым (на взгляд наших девчонок) и красивым. А от его фотографии в форме морского офицера, что висела на стенде «Наши учителя – участники Великой Отечественной войны», и вовсе глаз нельзя было оторвать!

Правда, у нас в классе он кроме скучнейшей астрономии ничего не должен был преподавать. Но наш десятый «А» вечно путал планы дирекции.

Вот, к примеру, прислали нам 1 сентября новую физичку. Как зовут – не помню, а вот ее грохочущий мотоцикл «Урал» с коляской, на котором она лихо подкатывала к школе – еще как! Выглядела она – не дай тебе боже!.. Я сама несколько лет проработала в школе, но и до этого четко усвоила, что встречают ученики по внешнему виду, и эта первая встреча закрепляется в их сознании... А физичка – по всему было видно – плевать хотела на свою внешность! Чего стоила прозрачная белая блузка с темно-вишневой «комбинашкой» под ней! И вечно мятая юбка в бантовку (с такими мягкими, бантовыми складками). И шлепанцы – тогда их называли пантолеты. Да ладно бы они, а если на грязные ноги с растрескавшимися пятками?! В общем, вы поняли, что то чувство неприязни, что мы к ней дружно испытывали, я пронесла через эти годы нерасплесканным.

Только не делайте скороспелых выводов, что мы встречали по одежке и... всё. Нет, провожать ее по уму тоже как-то не получилось. Приученные предыдущей физичкой все записывать в тетрадь, мы дружно заполняли страницы формулами. А вот дома, готовясь к уроку, я была неприятно удивлена: мои записи сильно расходились с учебником. На следующий день мы обменялись информацией, и выяснилось, что это не я напутала – уф! – а весь класс добросовестно зафиксировал то, что напутала наша учительница.

Тут же мы отрядили к директору делегацию с протестом. Я всегда почему-то в нее попадала... И всегда повторялась одна и та же история: на суровый вопрос директора: «Что опять в десятом “А” случилось?» – все скромно молчали и толкали меня в бок. Василий Степанович поворачивался ко мне: «Ну, Соколова?..» И мне приходилось соло передавать наши общие требования.

Так было и в тот раз. Только в ту минуту в кабинет директора зашел завуч, Борис Антонович, которого все боялись просто до дрожи в коленках. Директор кивнул ему:

– Разберитесь.

И тот пошел с нами на урок разбираться. Нам от его присутствия было плоховато, а вот что чувствовала физичка-мотоциклистка, можно себе представить: под пристальным взглядом завуча она краснела, бледнела, запинаясь на каждом слове, а в каждой формуле делала ошибки... Нам даже жалко ее стало. Особенно когда в конце урока Борис Антонович глубоко вздохнул и сказал:

– Ну, ребята, а теперь попрощайтесь с учителем. Навсегда.

И физичка, взревев мотором, исчезла из нашей жизни.

Физику вести у нас стал Иван Иванович. Его никто не боялся, и я не боялась. Но физику как предмет продолжала ненавидеть. Она платила мне взаимностью... Когда на очередной контрольной я от страха выстукивала зубами «SOS», «Квадрат» подошел, заглянул в мою тетрадь, ткнул пальцем:

– Здесь – правильно. А это исправь...

И тихонько подсказал решение. Но даже тогда я умудрилась напутать и получила... четверку! Моему счастью не было предела, а Иван Иванович, раздавая листки, укоризненно покачал головой:

– Ах, соколики-соколики, – почему-то именно так, во множественном числе, – такой симпатичный человек и так несимпатично написала...

Класс дружно грохнул от смеха. С той поры я так и осталась «соколики», и за мной закрепился «титул» его симпатии.

Меня всегда интересовало: знают ли учителя свои клички? Ну, Иван Иванович уж точно знал. К этому я и приложила руку.

Дело было в мае: настроение, несмотря на скорые экзамены, отличное. Мы горячо что-то обсуждали, вероятно, связанное с физикой, потому что я сказала:

– И тут «Квадрат»... – повернула голову и в большом зеркале, что стояло у нас в холле, увидела отражение Ивана Ивановича, который внимательно прислушивался к нашему разговору...

Я на полуслове захлопнула рот и опустила на скамейку, а учитель молча проследовал дальше. Девчонки повалились от смеха. Тут подошли другие одноклассники и потребовали рассказать, о чем, собственно, смех. Ну, и я восстанавливаю мизансцену:

– Я говорю: «Тут “Квадрат”», поворачиваюсь к зеркалу и...

Да, я поворачиваюсь к зеркалу и... опять вижу в нем отражение Ивана Ивановича! Все на минуту замерли, а потом был такой хохот, что из учительской выбежали разбираться. Но нас уже и след простыл!

О физике я до сих пор вспоминаю с ужасом, а о нашем «Квадрате» – с теплотой! Нет-нет да и отзовется из прошлого звонок:

– Ну, соколики, как дела?..

Ирина Одинцова «Кто там шагает правой?..»

Наш класс усиленно накачивали по патриотической и пионерской линии. Почему именно нам так «повезло»? Дело в том, что в 1961–1965 годах в московской школе № 19 – ныне им. В. Г. Белинского – нашим классным руководителем была Антонина Алексеевна Хохрякова (именуемая учениками «Двааха») – парторг школы и учитель русского языка и литературы.

А еще в нашем классе училась милая девочка по имени Мила – дочь старшего пионервожатого нашей школы. Поэтому градус советско-патриотического воспитания в нашем классе был более высоким, чем в других.

В шестом классе мы боролись за звание лучшего пионерского отряда Москвы и заняли второе место. Подведение итогов этого конкурса происходило в мае. Надо ли говорить, что все второе полугодие нас нещадно муштровали. Когда я читала повесть Куприна «Поединок», на меня нахлынули воспоминания о подготовке к нашему конкурсу. На каком-то этапе претенденты должны были промаршировать по Красной площади. А меня в это время одолевала подростковые фурункулы, поэтому на шее красовалась марлевая повязка. Кто-то из организаторов, увидев это, велел: «Немедленно снять с нее эту повязку!!!» Но я не далась и так и осталась при своей повязке.

У меня не осталось воспоминаний о каких-то случаях, происшествиях из ряда вон выходящих. У нас работали знающие учителя-предметники, оставившие о себе добрую память. Преподавал в нашей школе и знаменитый на всю Москву учитель литературы Д. Я. Райхин. Только нам не повезло с этим предметом, зато пионерско-патриотического угара было с избытком, настолько, что я твердо решила не вступать в комсомол и после восьмого класса перешла в другую школу.

С преподаванием русского языка наша «Двааха» кое-как справлялась. Но как только начиналась литература, меня одолевали уныние и тихая ярость, так как при мне издевались над классиками. Впрочем, примерно треть урока наша классная объясняла, что нам «нужно наклеить» для классной комнаты, или домашнего задания, или еще для чего-то. Значительная часть заданий по литературе состояла из каких-то поделок. Не радовало, что опять надо будет дома откуда-то вырезать и калечить какие-то издания, что-то клеить. Но немного грела мысль, на какое-то время наша учительница оставит в покое беззащитных классиков.

Объясню, что подразумеваю под издевательствами. Сначала мы услышали о Пушкине следующее: «Пушкин – складный писатель, толковый. Абсолютно чудное произведение создал». Когда изучали других поэтов и писателей, то их фамилии оказывались все в той же фразе на месте, где раньше стоял Пушкин. Таким образом, все русские классики оказались «складными» и «толковыми».

В шестом классе читали «Дубровского». Из-за болезни я не присутствовала на первых уроках, посвященных этой повести. «Двааха» в начале урока сказала: «Ребята, продолжим нашу работу». Сосед по парте разъяснил, что надо писать планы к главам «Дубровского». Пол-урока не могла свыкнуться с мыслью, что Пушкин без наших планов написал повесть, зачем же нам этим заниматься. Но спорить с «Дваахой» было себе дороже. Планы надо было нарисовать к главам XV–XVII, первые две – на страничку, последняя – чуть длиннее. Кое-как выдавила из себя три-четыре односложных пункта к каждой главе. На стене над столом учителя висел портрет Пушкина, и, как мне показалось, «Наше всё» вращал черными глазами и предпринимал другие отчаянные усилия, чтобы вместе с тяжелой рамой свалиться на голову нашей учительницы.

В конце урока «Двааха» призвала нас для проверки работ к учительскому столу. Стоя в этой унылой очереди, я поглядывала в тетрадки одноклассников и удивлялась, что у них по двадцать пять – тридцать пунктов к каждой главе. У классика в этих главах предложений меньше, чем они насочиняли пунктов. Их классная хвалила, в мой же адрес прозвучало наставление: «Ты плохо поработала, надо писать пункты развернуто. Например: “Встреча Маши и Дубровского” с уточнением места и времени». Но я ничего переписывать не стала.

В седьмом классе разбирали «Мцыри». Прозвучал вопрос: «Добрался бы Мцыри до родины, если бы он не заблудился и не встретил барса?» Этот вопрос, думаю, поставил бы в тупик даже обладателей ученой степени в области литературы и исследователей творчества Лермонтова. Оказывается, правильный ответ: «Нет! Так как он не поднял монахов в монастыре на революцию».

Как-то по программе нам надлежало познакомиться с картиной «Бурлаки на Волге». Причем каждому – обязательно! – надо было иметь репродукцию картины. И в течение недели надо было ее где-то раздобыть. Мне кажется, если бы какой-то предприимчивый ученик позаимствовал картину из Русского музея Санкт-Петербурга, то «Двааха» не сочла бы это большим грехом, а даже похвалила за предприимчивость. И вот наступил долгожданный урок. Все понуро глядят на репродукции на своих партах, а на доске тоже висит картина внушительных размеров. Но смотреть на нее уже не хочется, – да простит нас Илья Ефимович Репин! – потому что все еще помнят, как сбились с ног в поисках. Учительница приняла величественную позу и произнесла: «Бурлаки тянут по Волге судно». В полной тишине раздался едва уловимый ухом смех «внутри себя» – мои одноклассники научились так смеяться.

Но это еще что?! К примеру, учительница литературы моего мужа тупо вызубривала текст учебника литературы и все это выдавала в классе, а неблагодарные ученики отслеживали это по книге и нагло подсказывали. А другая ее коллега при изучении «Войны и мира» внушала своим ученикам: «Ребята, Андрей, Наташа и Пьер должны вызывать у вас чувство умиления!»

Только почему-то умиляться категорически не хотелось...

Конечно, учитель литературы – многотрудная профессия. Низкий поклон тем из них, кто умеет увлечь своих учеников, ненавязчиво привить им любовь к чтению и – главное! – научить мыслить. Ну, и конечно же, – «сеять разумное, доброе, вечное».

Ольга Вельчинская Встреча в метро

Кое-кто не любит московское метро. Дескать, духота, давка, миазмы, того гляди, с ног собьют... Короче, преисподняя. А для меня метро – увлекательная и плодотворная среда обитания. Где еще увидишь такие самозабвенные дуэты, такие замысловатые многофигурные композиции? Они возникают, клубятся и распадаются только в калейдоскопах эскалаторов, вагонов и переходов. Есть ли еще место на земле (или под землею), где среди человеческого множества можно так глубоко задуматься, так доверчиво уснуть, так сладко помедитировать? Личности подземных спутников интригуют, завораживают их лица, повадки и одежды!

Бывает, оглушенная метросимфонией, утомленная напряженным ее звучанием, упрощаю созерцательную задачу – сосредотачиваюсь на одних только носах, ушах или шляпах пассажиров. В такую вот отдыхательную паузу, посвященную ногам сидящих напротив граждан, наткнулась я взглядом на скрещенные, простодушно открытые взорам попутчиков женские ноги в туфлях на низком каблуке. Замечательные ноги, без варикозных вен, подагрических шишек и пигментных пятен. И хотя лично мне по душе ноги иной конфигурации, с более выразительным перепадом между икрой и щиколоткой (только без излишней вычурности), а те, что напротив, огорчали излишней равномерностью по всей немалой своей длине, все же это были неплохие, уверенные в себе ноги. Они-то, качественные ноги визави, и заставили селезенку мою екнуть.

Бледнолицая, с круглыми темными глазами на плосковатой скуластой физиономии, юная женщина в синем тренировочном костюме, отнюдь не дурнушка, вошла в наш 2-й класс «В» в сентябре 1956 года. Обыкновенная на первый взгляд девушка с толстой косой, питоном свернувшейся на темени. Зловещий питон не насторожил нас. Не встревожило и многообещающее имя-отчество – Жанна Феликсовна. Нам было по восемь лет, младенческая интуиция уже не срабатывала, а та, что приходит с опытом, еще не явилась. Мы восхитились молодостью новой учительницы, спортивными ее разрядами, чудесной косой. Не подозревая о предстоящем ужасе, умилились обслюнявленному младенцу на фото – крошечной учительской дочке. Но с первого же урока «физ-ры», происходившего по причине нашей незначительности не в спортивном зале, а в коридоре четвертого этажа, того самого, украшенного живописными сценами из жизни товарища Сталина, стало ясно: мы влипли, попали в переплет.

Полная сил и молодой ярости, Жанна Феликсовна сразу же принялась обучать нас ориентироваться в пространстве. Помнится, что и до встречи с Жанной Феликсовной я различала «право» и «лево». Но если раньше различала, то теперь различать перестала. Все первое полугодие, в бешеном темпе, под истошные вопли: «Направо! Налево! Налево! Направо!» – сорок пять кроликов, очумев от ужаса и ничего не соображая, крутились под питоньим оком громкоголосой фурии. На выполнение команды отпускала доля секунды, но от страха она исполнялась с точностью до наоборот. Учительница не деликатничала, самолюбий не щадила, ярилась, а безнадежных тупиц безжалостно вышвыривала из рядов. А я как раз и была тупицей!

Мы не были безразличны нашей учительнице или противны ей. Жанна Феликсовна не скучала с нами. Адреналин обильно сочился из молодых ее пор, а временами вскипал и бил фонтаном. К несчастью, я оказалась среди тех, кто способствовал особенно бурному выделению этого судьбоносного вещества – путала «право» и «лево», смехотворно медленно бегала, прыгала безобразно близко и низко, промахивалась, пытаясь ударить по мячу. Кроме спортивной несостоятельности имелось во мне еще нечто, что с первого же взгляда вызвало

у Жанны Феликсовны устойчивую идиосинкразию. Может быть, во всем виноваты очки? И сами по себе во времена моего детства очкарики не вызывали у окружающих большой симпатии, а уж в таких очках, как у меня, и подавно.

Очки и вправду были необыкновенные, точь-в-точь как у Александра Сергеевича Грибоедова, автора бессмертной комедии в четырех действиях. Еще в первом классе я то и дело жаловалась на головную боль, а Тамара Ивановна, строгая наша учительница со славным чекистским прошлым, ничего не принимала на веру и заподозрила меня в симуляции. «Доверяй, но проверяй!» – основополагающий лозунг школьного детства. Отправились к врачам, добрались до окулиста, и что же? Диагноз – дальнозоркость и астигматизм!

Мама пришла в восторг. Оказывается, с детства она мечтала о таких очках, как у Грибоедова, – кругленьких, в тоненькой золотой оправе. Самой маме не повезло, у нее было хорошее зрение, но появилась возможность нацепить грибоедовские очки на собственную дочь! Радостное известие взбудрило вымотанную за день маму, мы ринулись на Арбат к знакомому оптику Беркину и вслед за снежной поземкой завихрились в подворотню того самого, еще не знаменитого двора, где тогда уже жил мало кому известный Булат Окуджава.

Скорее всего, Беркин и Окуджава сталкивались в своей подворотне, а может быть, и раскланивались. Вполне вероятно, что Беркин помнил Окуджаву маленьким мальчиком, а Окуджава Беркина – не старым еще человеком. Как бы то ни было, но в тот вечер из подворотни со знаменитым будущим мы свернули направо, спустились в полуподвал и очутились в небольшой золотистой комнате. Оптик Беркин оказался строгим старичком с венчиком седых волос и в очках с почти шарообразными стеклами. То есть «сапожник без сапог» сказано не про нашего старичка-оптика. У нашего оптика были великолепные очки!

Посреди комнаты на круглом столе под золотистым низко свисавшим абажуром с густой бахромой обнаружилась обувная коробка, полная разнообразнейших оправ без стекол: роговых, железных, пластмассовых. Мама отвергла все и твердо объяснила, какая именно нужна нам. Старичок призадумался, но пообещал изготовить то, что нужно. И действительно, через два дня у меня появились уморительные очки – маленькие, кругленькие, в железной оправе золотого цвета, с тоненькими дужками. Одним словом, они явились на свет одновременно и по соседству – ранние песни Окуджавы и мои первые грибоедовские очки. Первые потому, что были и вторые, и третьи, и четвертые. Я росла, и вместе со мной подрастала моя голова. Расширялись скулы, утолщалась переносица, что-то происходило с ушами, удлинялся, ко всеобщему огорчению, нос. И хотя глаза по-прежнему оставались маленькими, раз в год приходилось заказывать новые очки.

Наступала очередная зима, и теперь уже с папой мы сворачивали в арбатскую подворотню и спускались в полуподвал оптика. Старичок Беркин твердо усвоил мамины требования, модель очков оставалась прежней, грибоедовской. В домашней кунсткамере хранится несколько пар грибоедовских очков, от крошечных до почти взрослых, совсем как в анекдоте про скелет Чапаева в детстве. Удивительные цепочки умудряется выстраивать жизнь – ничтожная детская дальнозоркость посредством арбатской подворотни оказывается связанной с октаэдрическим алмазом «Шах» весом в 87 карат, поднесенным императору Николаю в 1829 году персидским принцем Хозроем в качестве контрибуции за растерзанного российского посла... и за растоптанные его очки.

Итак, очки. Увы, но о главном изъяне нашей семьи я знала с глубоко дошкольных времен. И родители мои, и бабушка с дедушкой, и тетушка были самой настоящей «интелехенцией». А вся «интелехенция» поголовно носила разные виды очков, и за это ее, «интелехенцию» эту, в нашем дворе откровенно презирали. Тетушка моя, например, носила круглые очки в толстой роговой оправе. Бабушка с дедушкой – пенсне, овальные стеклышки без оправы и дужек, нервно подрагивающие, но чудом удерживающиеся на переносице с помощью какой-то эфемерной прищепки. У родителей же очков по молодости лет не было, а зна-

чит, и у меня оставался шанс сойти во дворе за свою. Нацепив грибоедовские очки, я раз и навсегда рассталась с иллюзиями и принялась нести свой собственный «интелехенский» крест. Действительно ли социально я была так далека от учительницы физкультуры, или причины злокачественной идиосинкразии в ином?

Однажды случилось непоправимое: я забыла дома наиважнейший элемент физкультурной формы – плоские кожаные тапочки со шнурками. Не искушенная в уловках, тупо соврала, будто плохо себя чувствую.

– В медпункт! Без справки не возвращаться! – проорала Жанна Феликсовна (учительница наша не говорила – она орала и вопила жестяным голосом). Четырехэтажный спуск в медпункт я бы охотно сравнила с подъемом на Голгофу, если бы в ту пору подозревала об этом маршруте. Однако доплелась кое-как, поскреблась в дверь и она сразу же открылась.

Врата отворила женщина в белом одеянии, гладко-темноволосая, с пучком, смугло-румяная и приветливая. Дрожащим голосом я невнятно пробормотала имя Жанны Феликсовны, и в глазах женщины-ангела сверкнула молния. Сезам открылся, меня усадили на топчан, обласкали, утешили и отпустили со спасительной справкой в кулаке, предписывавшей немедленно отпустить ребенка домой. Никакой температуры у меня не было и в помине, просто женщина-ангел знала о незаурядных возможностях Жанны Феликсовны и спасла меня от расправы.

Прошло не более пятнадцати лет, и я явилась на свадьбу подруги Иры. Позвонила в дверь квартиры юго-западной пятиэтажки, и точно так же, как это уже произошло однажды, дверь отворилась, а за нею обнаружилась давняя моя спасительница, в новой реальности оказавшаяся Ириной свекровью.

В те годы, когда Жанна Феликсовна преподавала нам физкультуру, высочайшего качества ее ног мы оценить не могли. В те далекие времена она носила синие тренировочные штаны, довольно складные, даже щегольские, на коленях почти не вытянутые. Между тем, окончив четвертый класс, лето, отделявшее нас от пятого, мы провели в эйфории, уверенные, что расстались с Жанной Феликсовной навсегда, навеки оставили ее в начальной школе. Ужас обуял нас, когда на первом же уроке ботаники уверенным спортивным шагом в класс вошла Жанна Феликсовна, теперь уже не в штанах, а в юбке. Кстати говоря, в максимально короткой по тем пуританским временам юбке. Вот при каких обстоятельствах встретила я лицом к лицу с этими самыми ногами во всей их красе. А встретившись раз, насмотрелась вдоволь. Опасаясь питоньего взора учительницы, годами смотрела на ее ноги.

Оказалось, что пока мы получали начальное образование, Жанна Феликсовна приобретала высшее и теперь выступала в новом качестве. За ботаникой последовала зоология, за зоологией биология. Но и биологического диплома способной женщине показалось мало, диапазон ее знаний продолжал расширяться, и, когда к прочим предметам добавилась химия, она взялась преподавать и ее. Одним словом, у явления под названием «Жанна Феликсовна» не оказалось ни конца, ни края. На нескончаемом совместном пути учительница наша ни разу не проявила слабости, во всех ситуациях была ровно беспощадна, в каждом провида и разоблачала мерзостное, такое, о чем сами мы и не догадывались. В итоге леденящее дыхание педагога-универсала навсегда отвратило меня от спорта, подморозило множество встреченных в жизни тычинок, пестиков и семядолей, коснулось простейших и пресмыкающихся, внушило стойкий негатив к отдельным неорганическим соединениям и к большинству органических структур.

Добрый Хрущев оживил свою эпоху заманчивым обещанием: дескать, нынешнее поколение советских людей так будет жить при коммунизме. Назначены были сроки, и солнечным днем ранней осени в разлинованном классиками школьном дворе мы высчитывали, сколько же лет нам стукнет, когда придет это потрясающее время. Картина складывалась неутешительная: выходило, что к моменту наступления райской жизни мы станем трид-

цати-с-чем-то-летними старушками и старичками, а в таком возрасте нам вряд ли понадобятся обещанные блага. Какие уж там потребности в тридцать-то с чем-то лет! И всё же коммунистические перспективы приятно возбуждали. Но как же я растерялась, когда в один прекрасный день Жанна Феликсовна величественно простерла длань и, указав на меня перстом (а персты тоже были отменные, качеством и прямизною ногам не уступавшие), произнесла с пафосом, как прокляла:

– А вот ее мы в коммунизм не возьмем!

Не такая я была дура и понимала, что технически не взять меня в коммунизм будет не так-то просто, но все равно ощутила себя отщепенцем, изгоем. Перспектива оставить меня за бортом грядущего коммунизма показалась Жанне Феликсовне чересчур отдаленной, ей захотелось немедленной расправы, и она выставила меня из класса, запретив впредь переступать его порог. В чем состояла моя провинность, не помню, ведь я не была ни хулиганкой, ни двоечницей, а в те времена – даже прогульщицей. Бедному папе пришлось идти на поклон к яростной женщине, вымаливать прощение.

Отвлечься от этого ужаса, отогреться душой удавалось на уроке домоводства под крылом доброй Веры Петровны. Прежде приходилось напяливать черные сатиновые халаты и в мрачноватом полуподвальном помещении, склонившись над тисками, выпиливать ножовками лопатки для неведомого детдома и крюки непонятного назначения. Уроки домоводства сменили слесарное дело, и мы принялись усваивать полезные для будущей женской жизни знания: учились заваривать чай, сооружали подобие торта из смазанного вареной сгущенкой магазинного печенья, кроили по косой бейку, обтачивали проймы, изучали тамбурный шов и манипулировали с выточками разнообразных конфигураций. По ходу дела Вера Петровна пыталась дать нам хоть какое-то представление о цивилизованной жизни и приличных манерах, скорректировать дикарское наше воспитание. С помощью этой рыхлой, дряхлеющей, но элегантной дамы, принадлежавшей к неведомым нам кругам впавшего в упадок бомонда, мы оказывались в ином измерении.

Вера Петровна не укоряла нас убиенными пионерами-героями, которых мы и так любили без памяти, не сулила светлого будущего. На ее уроках мы жили сегодняшним днем и обсуждали сюжеты позабавнее. Для наглядности Вера Петровна выбрала конкретную фигуру. В центре постоянного и пристального внимания оказалась девочка, наша ровесница – принцесса княжества Монако. Вера Петровна приносила в класс невиданные журналы, и из-под чуть-чуть приподнявшегося железного занавеса мы рассматривали принцессу, удивлялись веселой ее мордашке, приветливой улыбке, красивым принцессиным платьям, купальникам и шляпкам.

Мы и раньше догадывались о существовании иной жизни, более того, подглядывали за ней, ибо многочисленные школьные окна, выходившие в переулок, смотрели в одно-единственное, но гигантское окно иностранного посольства, занимавшего небывалой красоты особняк, выстроенный архитектором Шехтелем на пике русского модерна. Мы учились во вторую смену и вечерами, с четвертого школьного этажа, из унылого актового зала, окруженного по периметру заборчиком заклиний, выписанных по кумачу аккуратными белыми буквами, в огромном, высотой с дом, окне особняка напротив видели другую залу – с камином, сияющей люстрой и зеркальным паркетом. Девочка нашего возраста в белой пачке отражалась в сверкающем паркете и под присмотром тонкой женщины в черном бесконечно повторяла балетные па.

Иностранная девочка училась танцевать, а мы с туповатым любопытством пялились на чужую, похожую на мираж жизнь. Ну а Вера Петровна взяла да и приблизила невероятную эту жизнь, остроумно вплела в учебный процесс не сказочную, а всамделишную, современную принцессу. Вера Петровна не развивала в нас комплекса Элочки Щукиной, мы не завидовали принцессе, а изучали фасоны ее платьев и пытались сшить себе похожие. Плели

из скрученной в жгуты гофрированной бумаги точно такие же шляпки, как у принцессы, а для прочности и нарядного блеска покрывали их канцелярским клеем. На пляжных фотографиях детскую грудь принцессы Монако прикрывала узенькая полоска на бретельках, и мы загорелись идеей соорудить к лету такой же предмет туалета. На своих уроках Вера Петровна делилась с нами незатейливыми, но полезными житейскими сведениями, о которых позабыли и мамы наши, и бабушки, у кого они были.

Увлеченно следя за жизнью принцессы, внимательно выслушивая наставления Веры Петровны, я ни на минуту не забывала о семейной точке зрения, с которой воспринимались подобные занимательные сюжеты у нас дома. Дома высмеивали пошлость и презирали мещанство. А как еще назвать все эти женские секретики и уловки, если не пошлостью и мещанством? Рассказами из репертуара Веры Петровны я так успешно смешила домашних, что тетушкина подруга Наташа, писавшая уморительные пародии и осваивавшая в те времена плодородную тему советской школы, чрезвычайно ими заинтересовалась и раззадорилась побеседовать с Верой Петровной, намереваясь высмеять по-доброму мещанские грезы и дурацкие бредни – весь этот слащавый ливер, которым добрая женщина фаршировала податливые наши мозги.

А надо сказать, что Наташа, блистательно боровшаяся с вездесущим мещанством и повсеместным засильем воинствующей пошлости, была человеком особенной судьбы. Ребенком она очутилась в Харбине, там же окончила гимназию, из Харбина перебралась в Шанхай, занялась журналистикой, а в конце 40-х возвратилась в СССР. Поначалу Наташа попала в Казань, но вскоре поступила в Литературный институт имени А. И. Герцена на Тверском бульваре в Москве и принялась мыкаться по столичным углам и подвалам. Но без московской прописки и по подвалам не помыкаешься, поэтому тетушка моя, горячо подружившаяся с Наташей, прописала ее в своей комнате. В те времена Наташа писала не только пародии и фельетоны, но еще и длинный автобиографический роман. А потом вышла замуж за своего профессора – известного ученого, интеллектуала и остролиста, – купила жилье в писательском доме и жизнь свою стабилизировала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.